

В поисках национальной церкви
Паломничество одного миссионера

Содержание

Предисловие

Пролог: Сердце, сфокусированное на паломничестве (сердце паломника)

Часть 1 Земля степи

Часть 2 Точка входа

Часть 3 Места поклонения

Часть 4 Караван – сарай

Часть 5 Заблудился

Часть 6 Знаки в небе

Часть 7 Вызов в ночи

Часть 8 Длинная тень Лавана

Часть 9 Похороны

Часть 10 Совет Хасана

Часть 11 Террористы за чашкой чая

Часть 12 Ветер, песок и время

Часть 13 Тополя

Часть 14 Всеу свое время

Эпилог Сокровище в моей сумке

Предисловие

Главная задача миссий – установление сильных, растущих национальных церквей. Джин Дениэлс обращается к такому важному предмету на страницах этой замечательной книги.

Эта книга замечательна тем, как автор передает свой опыт насаждения церкви. Он берет читателя с собой в путешествие – странствование, паломничество – в Среднюю Азию, живо и образно описывая трудности и ловушки на пути миссионеров в другой культуре. Мы, читатели, отправляемся в «виртуальное» путешествие, чтобы насадить национальную церковь в чужой земле, учась на его разочарованиях и трудностях.

Очень много книг написано о проблемах связанных с переходом в другую культуру. Большинство из них полезны и на самом деле ценны, но они не вполне подготавливают своих читателей к их действительному прибытию в другую культурную систему. Не зависимо от того, как много мы прочитали о нужде снять наши «культурные черные очки» и увидеть вещи с перспективы другой культуры, большинство из нас имеет большие трудности с этим. И главная причина в том, что мы даже и не осознаем, что носим эти черные очки.

Джин Дениэлс показывает нам наши «культурные очки» эффективнее, чем любой автор, которого я знаю. Только по одной этой причине, я верю, что тот, кто собирается быть миссионером в Средней Азии или в любом другом месте, должен обязательно ее прочитать.

У меня есть еще одна причина рекомендовать вам эту книгу – ее приятно читать. Джин Дениэлс – талантливый писатель, и «В поисках национальной церкви» – одна из самых лучших книг о миссионерстве, которые я читал. Читатель чувствует, что переживает паломничество автора «из первых рук». Дениэлс точно проникает в суть, его наблюдения, повествование. Читая эту книгу, я получил и вызов, и наставления.

Автор сразу фокусируется на «насадительных» аспектах установления национальной церкви, но он также сознает, что нужно нечто большее, чтобы установить церковь, чем просто ее насадить. Семена нужно поливать. Наставничество новых верующих необходимо, если церковь должна расти и становиться сильной, и здесь у миссионеров тоже важная роль.

Сразу перед тем, как я начал свое собственное миссионерское паломничество в 1970 году, мне дали список из восьми книг, которые мне необходимо было прочитать о миссионерстве.

Возможно, самый лучший способ, как я могу одобрить книгу Джина Дениэлса, – это сказать, что мне очень жаль, что она не была включена в мой список тогда в 1970 году. Она бы помогла мне быть более эффективным миссионером.

Томас Хейл,
автор «Быть миссионером и Свет светит в Средней Азии»

Нет ни одной книги, которую можно было бы назвать продуктом гения одного человека. Скорее автор, через влияние множества других, развивает уникальную перспективу мира, которую они позже отпечатывают на бумаге. Так вышло и в этом случае; эта книга без сомнений, как эхо отображает голоса многих людей, которые даже об этом и не догадываются.

И если вам не будет слишком тяжело поверить, то есть еще один важный момент – безопасность. Мое паломничество проходит через миссионерскую работу, которая проводится в настоящее время в мусульманских землях. Там, где за людьми, которые исповедуют Христа, подозрительно наблюдают и соседи, и правительство. Поэтому ради всего этого, я намеренно и тщательно изменил названия местностей и имена героев.

Но я обещаю читателю, что все, что я описываю, было на самом деле. И если у вас вдруг возникнет желание усомниться в этом, помните, Иисус благославлял тех, у кого были глаза, которые видели, уши, которые слышали и сердце, желавшее постигать.

Пролог: Сердце, сфокусированное на паломничестве (сердце паломника)

Псалом 83:2,3,6,11 «Как возжеленны жилища Твои, Господи сил!», «Истомилась душа моя, желая во двory Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому», «Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе», «Ибо один день во дворах Твоих лучше тысячи. Желая лучше быть у порога в доме Божиим, нежели жить в шатрах нечестия».

Исайя 11:9 «Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море».

С самого начала, когда люди стали практиковать религии, они время от времени оставляли домашний уют и путешествовали в отдаленные места по духовным причинам. Как верно то, что у всех нас разные причины, большинство из тех, кто совершает эти трудные путешествия, делают их, чтобы выразить свое глубокое религиозное посвящение.

Начиная от Бытия, где повествуется о 3-х дневном путешествии Авраама на гору Мориа, до средневековых пилигримов из Кантербирийских рассказов, до современных исламских паломников, которые миллионами каждый год стекаются в Мекку, преданные люди мира, которые выражают свое благочестие через паломничество, странствование.

Это желание давно стало бессмертным в словах сынов Кореевых:

*«...Как возжеленны жилища Твои, Господи сил!
...Истомилась душа моя, желая во двory Господни; ...
...Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце
Стези направлены к Тебе.
Ибо один день во дворах Твоих лучше тысячи».*

В соответствии с определением Ватикана, слово «паломничество» несет идею «странствования на какое-то расстояние». И поэтому паломничеством можно назвать «путешествия к определенным местам с целью их почтить или исполнить религиозные обязательства».

У меня нет того веса, который могла бы придать поддержка Папы, но я потратил достаточное количество времени, размышляя над этим вопросом, одновременно совершая свое собственное паломничество. Видите ли, я тоже совершаю паломничество – миссионерское паломничество в Средней Азии.

Когда я только отправился в это путешествие, я думал, что мировое миссионерство – это такие вещи, как евангелизационное радио, печать материалов и прогресс. И для многих так и есть, миссионерство, конечно же, широкое поле деятельности. Но мы не будем заботиться себя тем множеством превосходных и прогрессивных вещей, которые миссионеры часто делают, и не будем заниматься сложностями, которые их встречают в процессе. Вместо этого мы будем искать только одну вещь – простое маленькое чудо, которое мы называем национальной (коренная) церковь.

Некоторым может показаться странным начинать книгу о национальной церкви, основном догмате современного миссионерского движения, используя средневековое слово паломничество. Это и на самом деле странно.

Еще раз повторю, все, что действительно имеет отношение к национальной церкви, будет для нас, иностранных миссионеров, странно. Их ткань, если она на самом деле национальная, имеет совершенно другой цвет. Рисунок на ней нам часто не нравится или мы его не понимаем. На самом деле, именно эти вещи обычно делают ее национальной. Само действие, как Бог вплетает Свою историю в культуру и сердца новых людей часто никак не связано с тем, что для нас, западных людей, имеет высокую ценность. Может быть, поэтому большинство миссионеров предпочитают такие вещи, как евангелизационное радио или печать литературы? Вещи, которые мы можем контролировать. Вещи, которые мы можем понимать.

Современное евангельское движение миссий родилось во время интеллекта и образования – в век разума, если хотите. Мы уверовали, что, при достаточном образовании, мы сможем понять, определить, и поэтому, контролировать все, даже те вещи, которые по своей природе не постижимы для нас.

Поэтому, в преобладающем отношении нашей культуры, национальная церковь изучалась и анализировалась в сотнях статей и книг за последние две декады. Великие святые, учителя миссий и даже такие простые практики, как я, написали об этой неуловимой цели.

Мы сформировали акронимы, чтобы помнить основные черты. Было освоено огромное количество методологий, что казалось, почти гарантировало результат - национальную церковь, если мы последуем им в точности.

Возможно, вы скажете, что национальная церковь стала чем-то вроде Святого Грааля для многих из нас. Как благочестивые путешественники прошлого, мы покидаем наши дома, смело идем в трудные, даже опасные места, чтобы найти великое сокровище.

Назад домой мы посылаем отчеты о том, как мы насадили национальную церковь, не зависимо от того, как мы ее определяем, и это феноменально. Такие истории вызывают благоговение, и приносят новую финансовую помощь из наших домашних церквей. Истории, рассказанные этими уставшими путешественниками и странниками, которые описывают славу Иерусалима после долгих лет странствования по Ближнему Востоку, касаются сердец.

Но все эти средневековые странники столкнулись с одной дилеммой. Никто из них или тех, кого они знали, не видел объекта своего желания. Более того, все, что они знали, это то, что может и не быть такой вещи, как Святой Грааль. Они искали то, что видели только в своих мечтах.

То же самое происходит со многими миссионерами сегодня. Мы еще никогда не видели того, что можно было бы назвать национальной церковью. И все же среди всех этих храбрецов есть некоторые, кто на самом деле знает, что мы ищем.

Но, мы думаем, что знаем. Большинство пилигримов вступают в свои путешествия, уже имея все карты, на которых показано, что они ищут. Мы закончили правильные семинарии и прочитали все правильные книги. Мы запомнили три личных и десять универсальных принципов, но что-то по-прежнему ускользает от нас.

Не смотря на наше образование, мы каким-то образом пропустили маленькие кусочки, которые продолжают открываться на пути. Если мы соберем и сложим их вместе, получится живая мозаика, которую можно увидеть на расстоянии, и которая откроет нам Тело Христа в новой культуре.

Иногда мы сбиваемся с пути, потому что не было человека, у которого можно было бы спросить направление. Иногда мы слишком горды и самоуверенны, чтобы искать совета у тех, кто знает. В любом случае, результат один и тот же – слишком много пилигримов останавливается в знакомых местах дороги, вместо того, чтобы продолжать свое путешествие, пока цель не достигнута.

Как путешественники, которые тоскуют по дому, многие миссионеры сильно желают, из-за ловушек культуры своей церкви дома, - что угодно, чтобы чувствовать себя удобно. Временами это желание так усиливается, что любая традиция, которая хоть немного напоминает дом, становится сильным соблазном. Мы останавливаемся, чтобы провести только одну ночь, но для многих уставших и потерянных пилигримов эта остановка длится всю жизнь. Проживание в таких удобных местах гораздо безопаснее, чем рисковать и идти туда, где можно отыскать нашу цель.

Но цель нашего паломничества более важна, чтобы мы могли позволить нашим братьям-пилигримам останавливаться в ложных пунктах назначения. Что будет, если мы действительно найдем то, что ищем? Что, если настоящие национальные церкви можно насадить в новых местах?

Эти церкви будут насажены в огромных количествах и большинство из них выживут. Эти церкви не будут нуждаться в особой заботе, потому что они будут в своей среде. Они будут иметь плод, потому что они будут национальными. Насажденные в привычном временном ритме жизни и укорененные в своей собственной культуре, они будут принадлежать.

Если это произойдет, это будет так, как давно увидел это пророк Исайя:

«...ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море».

Так много поставлено на карту, что пилигримам выгодно помогать друг другу. Иначе, наше путешествие перестанет быть потоком мужчин и женщин, следующих за видением, и станет не более чем незадачливым, сильно смущенным и уставшим народом, который просто пытается выжить.

Те, кто добился значительного продвижения к цели, или те, кто хоть как-то приблизился к ней, должны двигаться по картам и отметкам, которые помогают определить путь. Более того, те, у кого их нет, должны стремиться их получить. На этом пути нет места прекрасным, хорошо подогнанным костюмам религиозной гордыни.

Это не говорит, что кто-либо, включая меня, эксперт в этом деле. Но все же некоторые пилигримы, по Божьей благодати, ближе к цели, чем другие. Некоторые видят издалека и радуются.

Эта книга не теологический труд о национальной церкви и не руководство по насаждению таких церквей. И я не профессиональный писатель. То, что я здесь предлагаю, больше похоже на дневник – коллекцию личных карт и указателей, написанную одним пилигримом, чтобы передать другому.

Если у вас есть мечта увидеть, как Христос привлекает Свою Невесту из какого-нибудь нового народа, племени или языка, тогда мы совершаем одно паломничество. Пусть то, что изложено ниже будет в помощь, от одного пилигрима другому на пути, который мы проходим вместе.

Часть 1 Земля степи

Следующие зарисовки моего собственного паломничества не принесут пользы моим братьям-путешественникам, если я не дам сначала описания территории, через которую мы будем странствовать. Все изгибы и повороты пути не будут иметь никакого смысла. Для начала, я несколькими широкими мазками обозначу портрет той земли, по которой мы вместе пойдём. Это поможет высветить последующие открытия.

Трудно дать выразительное описание Средней Азии, это земля оазисов и степей, пустынь и гор. По размеру примерно с австралийский континент, Средняя Азия – место обширных пропорций. Степи стелятся на многие мили, а горы поднимают свои пики более чем на 6 тыс. метров, и кажется, что они возвышаются прямо из великих пустынь. Их потрясающую красоту почти невозможно описать.

Из-за того, что границы Средней Азии в большей степени обозначены естественной географией и некоторой схожестью, чем политической волей, трудно дать описание ее точного месторасположения. Это то, что не без труда познали строители империй, а внимательные пилигримы не должны никогда забывать.

Политик, возможно, скажет, что постсоветская Средняя Азия – это территория, граничащая на севере с Россией, на юге с Ираном и Пакистаном, с Китаем на востоке и омывается Каспием на западе. Но более реалистично нарисовать Среднюю Азию, как широкие просторы сибирских равнин на севере и горы Гиндукуш на юге. Она начинается, где богатый нефтью Каспий омывает своими волнами ее западное побережье и заканчивается где-то в бескрайних песках пустыни Такламакан на востоке. Этот регион гораздо больше, чем просто «постсоветская провинция». Он постоянно выходит за границы самых лучших картографов.

Термин «постсоветский» может вызвать всевозможные политические вопросы в умах некоторых пилигримов, вопросы, которые я не буду задавать. Как свидетельствуют историки, ситуация в этом регионе мира всегда была нестабильной. Маленькие царства побеждались великими империями, которые в свою очередь распадались на мелкие княжества и полунезависимые нации.

На самом деле, политические реалии в Средней Азии меняются так часто, что я могу ошибиться, пытаясь истолковывать их, потому что все, что я сейчас пишу, может измениться к тому времени, когда вы будете читать эту книгу.

Наша забота в этом путешествии не география или политика. Нам, как пилигримам, эти вещи ни мешают и ни сдерживают нашу верность. Потому что наши сердца нацелены на другое – на миллионы, живущих в этом регионе людей, следующих за Пророком.

Более 90 процентов населения Средней Азии сегодня считают себя последователями Ислама, но так было не всегда. Многие века люди, населявшие эти земли, не были мусульманами. Они были анимистами, верили, что все создания, предметы и природные явления вызваны мириадами духов, каждому из которых нужно поклоняться или умиротворять.

До Ислама, более организованные религии из внешнего мира бросили вызов этой примитивной вере. Буддизм, зороастризм и несторианское христианство все приходили, ведя свою торговлю на великом Шелковом пути, но ни одна из них не имела такого длительного влияния, как Ислам, который изменил саму сущность жизни повсюду, где распространялся.

Сегодня почти невозможно представить Среднюю Азию без ислама, но, не имея такого представления вообще, мы, действительно, будем очень бедными пилигримами!

И в тоже время, хотя исламский след уже давно тянется, он никогда не был глубоким. Древняя тьма и страхи анимизма никогда не были полностью побеждены, их корни все еще разрастаются под поверхностью жизни Средней Азии. Это еще один момент, который мудрый пилигрим постарается запомнить. Эти корни на столько глубоко проникли, что даже могущественная религия Мохаммеда вынуждена была приспособляться. И это у нее получилось хорошо, частично, благодаря тому, как она вошла в историю.

Вообще, ислам пришел в Среднюю Азию верхом на караване. Энергичные арабские купцы с запада первыми открыли древний Шелковый путь, как средство, чтобы использовать богатства Дальнего Востока, а распространение своей религии было делом вторым.

Однако почти военный уклад жизни в исламе притягивал к наемникам, которых купцы нанимали сторожить их караваны, и легендарная мусульманская честность впечатляла людей на базарах.

Но большинство из этих купцов не были научены строго соблюдать исламский закон шариата. Они были обычными людьми, которые просто следуют религии, не особо понимая ее. С самого начала ислам в Средней Азии не был слишком сложным.

Даже до продвижения могущественных мусульманских армий в восьмом веке, жребий для будущего Средней Азии был брошен, когда арабские торговые караваны начали перевозить новый влиятельный груз – мусульманских мистиков-пилигримов, суфиев.

Суфии были странными людьми, их также трудно описать, как и современных пилигримов. Они проживали свою жизнь, как одно продолжительное, духовное путешествие, к сожалению, к неверному пункту назначения. Религия, которую они приносили, была больше мистической, чем законническая, сфокусированная на духовном опыте, а не основанная на религиозных правилах. И теперь не трудно понять, почему этот регион стал для суфиев плодотворным полем. В их мистическом послании анимистская натура Средней Азии нашла родственную душу.

Ислам настолько успешно распространился по Средней Азии, что один русский историк 18 века сказал, что «это один из самых твердых исламских регионов в мире».

Но мы не хотели бы говорить только о географии и истории, это паломничество касается живых и современных вопросов. Поэтому пришло время оставить прошлое в прошлом, собрать сумки и вступить в путешествие самим.

Часть 2 Точка входа

Когда кто-то собирается в путешествие, особенно, если оно собирается быть долгим, толпа провожающих собирается пожелать добра на вокзале или в аэропорту. Слезы из глаз, слова прощания и обещания остаются на связи, уже даны обеими сторонами. Большинство из нас временами занимали ту или иную сторону в этой сцене, и поэтому есть искушение представить начало нашего паломничества в подобных этим выражениях.

Обычно путешествия имеют отличительную точку начала – место, откуда вы отправляетесь. Но то паломничество, к которому присоединяемся мы, на самом деле не имеет таковой. Это что-то такое, куда нужно войти. Это – как аквалангист прыгает в быстрое течение, пилигрим сразу же чувствует живую историю, которая была до его приезда, и будет продолжаться долго после его отъезда.

Когда мы входим в это паломничество, этот поиск Божьего сердца, мы присоединяемся к чему-то большему, чем мы сами. Мы присоединяемся к другим в их посвящении делу.

Постепенно мы будем становиться более связанными через радости и трудности пути. Каким-то чудесным образом мы вступаем в человеческий поток, потому что такое паломничество не индивидуально по природе. Оно - общинное событие.

Община – слово, которое вряд ли было в моем словарном запасе типичного американца. Я удобно жил, как индивидуал, принимая самостоятельные решения и достигая свои личные цели. Как большинство людей вокруг меня, я гордился своим индивидуализмом и независимостью. И я предполагал, что это путешествие будет таким же. Мне казалось, что часть миссионерского характера – быть таким человеком, который оставляет свой дом позади и дальше направляется сам.

Вскоре я узнал, что эти мои идеи и американские варианты не были в контакте с реальностью жизни в Средней Азии. Я не мог отделить себя от тех, кто шел этот путь рядом со мной, или от следов тех, кто ушел раньше. Пока это осознание доходило до меня, я приблизился к самой цели нашего путешествия, и мы это откроем позже, что национальные церкви это тоже общины. Они – общины в том понимании, которое большинство из нас никогда действительно не переживало на Западе.

Но нам не следует слишком долго задерживаться в мире теории. Кажется, я уже слышу приближение верблюдов.

Что значит быть иностранцем?

Была обычная февральская пятница. Я шел к мечети, небо было затянуто тучами и температура гораздо ниже нуля. В прошлом, прогуливаясь к этой ярко раскрашенной мечети, я переживал невероятно сконцентрированные моменты духовной брани. Сегодня мой визит произведет нечто другое.

Обычно я находил тихий уголок в конце большого зала, место, не привлекающее внимание, где я на коленях ходатайствовал за души мужчин вокруг меня, пока они следовали предписанным правилам поклонения. Но сегодня я пришел позже, чем обычно. Внутри, в тепле зал был уже заполнен телами от одной стены до другой, и я был вынужден отправиться в одиночестве на большой балкон. Ветер и снег сильно били в лицо.

Я почти уходил. Внутри я почувствовал глубоко сидящее сопротивление быть на открытом пространстве. Я не хотел быть выставленным на этом балконе и чувствовать себя, как обнаженный. Дрожь пробежала по позвоночнику, и она была вызвана чем-то более пугающим, чем завывающий ветер.

Я упаковался под лестничный пролет почти полностью, надеясь, что никто не обнаружит, что я не участвую в мусульманских молитвах. Когда я устроился в этом месте, то думал, что слился с окружающей средой. Некоторые мужчины, проходя мимо, вопросительно смотрели не меня, но большинство из них, слава Богу, думало в тот момент о другом, возможно, из-за снега. Никто из них не обращал на меня много внимания.

Это было хорошо. Я очень старался уйти незамеченным, пока они молились, потому что знал, что, если тебя увидели, значит обнаружили. Быть увиденным, значит объявить всем, что я не принадлежу.

Пока колонки потрескивали, и ветер обвивал наши головы легким снежком, несколько сот мужчин начали поклоняться. В военном темпе они начали делать движения в такт исламским молитвам: поворачивали голову на право и на лево, показывая, что ангелы должны быть на каждой стороне, прикладывали руки к ушам – символ того, что они слышат Аллаха и простирались на полу, показывая повиновение.

Каждый раз, когда все собрание мужчин опускалось на колени, массивные доски в полу сотрясались от силы их единства. Когда они все это делали, казалось, что мое тело посылало мозгу невыразимое послание.

Я чувствовал себя абсолютно не в своей тарелке, и это, в свою очередь, посылало слабые сигналы кончикам волос на затылке, которые мы обычно называем страхом.

Я не уверен, что этот день чем-то отличался, обычное течение событий не изменилось. Но в этот раз я почти слышал это отовсюду, в скрипящих балках и в треске старых динамиков. Глубоко внутри постоянно резонировало: «Ты – другой. Ты не принадлежишь. Ты – сам по себе».

В какой-то момент меня осенило – я понял, на что это похоже, выйти из ислама и последовать за Исой, как за Мессией и Спасителем. За короткое мгновение я получил потрясающее откровение, что значит быть вне всякого согласия с кем-либо вокруг меня.

Для моих новых братьев и сестер во Христе это чувство – часть ежедневной жизни. Вся Средняя Азия, весь их мир движется в унисон. Временами они, должно быть, чувствуют безнадежность, находясь вне ритма этой жизни. Возможно, большинство из них проходят через жизнь, отчаянно пытаясь спрятаться в каком-нибудь углу, молясь и надеясь, что никто не заметит их. Так же как и я делал в тот холодный февральский полдень.

Стоя на коленях на хорошо сотканном ковре, я слышал звуки того, что значит быть иностранцем. Это показало мне, как мало я понимал, что значит быть среднеазиатским последователем Исы. Я осознал, что никогда не столкнусь с тем давлением, с которым они встречаются, когда принимают Христа. Я осознал, что никогда не буду испытывать глубокого чувства боли от того, что живу вне согласия со своей собственной общиной.

Я должен был многому научиться в тот день, но истина заключается в том, что не научился. По крайней мере, еще долгое время. Только следующие годы прояснили мне эти вещи. Это был очень важный момент в моем путешествии, и слишком плохо было то, что я не увидел это тогда.

И все же, в эту завывающую пятницу Бог посеял в сердце этого пилигрима семя истинного национального мышления. Потребовалось долгое время, чтобы семя принесло плод, - возможно, у меня каменное сердце в большей мере, чем у других, - но что-то внутри начало меняться.

Ценный совет

Абрикосовые деревья стояли в полном цвету, и полдень был вымыт бесчисленным количеством кружек чая, гораздо большим, чем мне хотелось. Но я делал то, что ожидается от гостя в Средней Азии, и давал моему хозяину временный контроль над моей жизнью. Мы сидели на подушках вокруг низкого стола, а позади меня на стене замазанной белой глиной, висел ковер. Мой щедрый хозяин с бездонным чайником был школьным учителем, в прошлом мусульманин, который последовал за Исой. Он также оказался одним из самых уважаемых церковных лидеров в этом регионе.

Я очень высоко ценил внимание Муктара и поэтому потратил где-то 4-5 часов, чтобы приехать к нему. Мне нужен был совет по целому ряду важных вопросов. Однако, я не получил его, пока не уяснил цену, которую надо было заплатить за его мудрость.

После тех усилий, которые я потратил, чтобы добраться туда, я хотел сразу заняться делами. Будучи человеком линейного мышления, я чувствовал себя хорошо, когда встречи проходили в соответствии с моим планом, и становился нетерпеливым и беспокойным, когда не знал, куда идет разговор.

Когда перевалило за полдень, я стал чувствовать, что дрейфую. Я не мог сфокусировать встречу в нужном русле, все стало походить не на встречу, а на дружескую беседу за чаем. Я не мог продвинуть нас даже к первому пункту моей повестки дня. Чем дольше мы общались, тем труднее мне было пытаться перевести наш разговор к более важным вещам, по крайней мере, важным с моей точки зрения.

После нескольких часов разочаровывающего никчемного разговора, дело, наконец-то приняло ободряющий оборот. Наливая мне очередную чашку чая, Муктар посмотрел мне в глаза и сказал: «мне нравятся твои методы служения».

Как лучи солнца в хмурый, дождливый полдень, его слова согрели мою душу. Легкое чувство разочарования тихонько булькало внутри меня из-за забытого списка дел. Но теперь его место заняло маленькие ростки самоудовлетворения, пока я размышлял над этими своими методами служения.

Притчи 16:18 «Погибели предшествует гордость, и падению – надменность».

Прежде, чем я начал торжествовать, Муктар продолжил. «Ты приехал повидаться со мной без всякого плана, и это самый правильный способ делать вещи в нашей культуре. Когда кто-либо приходит ко мне со списком дел на обсуждение, он показывает мне, что я для него всего лишь «бизнес», дело, которое надо сделать. Но служение – это не дело, служение – это отношения».

Его простые слова, предполагались для комплимента, застали меня врасплох, как внезапная песчаная буря в пустыне. В один момент все хорошо видно до самого горизонта, а в следующую секунду невозможно сказать, где ты находишься.

В некотором роде, я уже знал это. В конце концов, я был пастором в прошлой жизни, как кажется, и я по натуре очень коммуникабельный человек. Но, не смотря на это, как продукт своей культуры, я по-прежнему очень высоко ценю расписания, планы, списки и повестки дня. Эти вещи измеряемы. Эти вещи ценны. И хотя я никогда никому не признался бы в этом еще, но эти вещи доказывают, что я занятый человек, а так, как я занятый, я – важный человек. По крайней мере, такое было положение вещей дома в моем мире. Но я больше не был в моем мире, я был в его мире, в Средней Азии.

Своими словами и поступками Муктар говорил мне, что люди и отношения стоят гораздо выше моих возлюбленных списков и повесток дня в этом странном месте, которое он зовет домом.

Несмотря на то, что я уже жил в Средней Азии 2 или 3 года, я как-то избегал настоящего погружения, входа в его мир. Я умудрился жить в фасаде, построенном, чтобы идеально подходить к моей зоне комфорта. А теперь мягко сказанные слова Муктара разбили вдребезги эту иллюзию и втолкнули меня в реальность.

Сам не зная того, мой друг пошатнул мой внутренний компас, и теперь я не мог определиться со своими отношениями. В один момент я наслаждался своими хорошими методами служения, и вот уже мое мировоззрение потеряно в водовороте замешательства.

Муктар заговорил уже о другом, но меня заклинило. Внезапность всего этого оставила меня в борении. Часть меня отвергала то, что он сказал, потому что так было очень трудно вести дела. Но другая моя половина жаждала видеть мир, как его видел Муктар, переориентировать мой компас на его Северную звезду.

Вторая половина дня – неясное пятно. Я не помню ничего из того, о чем мы говорили. Пока мой хозяин поддерживал ритм нашей встречи со своим чайником, я боролся со своими внутренними переменами реальности.

Его слова задели глубокую, неприятную струну внутри. Я даже не смог сконцентрироваться на последующем разговоре. Вопросы в сердце были почти слышимы.

«Действительно ли я услышу то, что он должен сказать?»

«Сколько я готов заплатить за мудрость оттого, что я послушаю этого человека?»

Как-то я знал, что ответы будут дороги для меня, возможно, больше, чем я был готов заплатить. Я был не готов платить, пока не вспомнил слова одного мудреца, который сказал,

Притчи 4:7 «Главное – мудрость: приобретай мудрость, и всем имуществом твоим приобретай разум». (Даже если это будет тебе стоить всего, приобретай понимание).

Когда я подсчитывал, во что мне обойдется международное миссионерство, никто мне тогда не сказал, что это также может включать в себя сильно побитое «эго».

Мой милостивый друг не нарочно раскритиковал мою самооценку, и я знаю, что это было без лукавого сарказма. Такой черты нет ни в его характере, ни в его культуре. Муктар просто не мог видеть моей повестки дня в уме, или моего списка в кармане пальто.

В тот день я пережил один из примеров того, как от пилигрима часто требуется приобретать дорогостоящие советы. Но игра стоит свеч, мало помалу такие откровения формируют наше путешествие.

Как западный миссионер, который просто зависит от своего расписания, я начал свое паломничество со списков и повесток дня, которые казались важными. Настолько важными, на самом деле, что я почти отправил в мусорку такую важную дружбу ради них.

Но благодаря благодати Божьей, я мог сообщить этому дорогому человеку, что стоимость обучения у него была слишком высока для такого занятого и важного пилигрима, как я.

Часть 3 Места поклонения

Любой человек, кто жил в Средней Азии затруднится представить этот регион без видов мест поклонения. Кажется, что они везде, иногда они построены на каких-нибудь важных захоронениях, но чаще всего какое-нибудь одно деревце удерживает землю где-нибудь на затерянном склоне.

Анимистская душа Средней Азии вопиет о месте, которое можно почитать, месте, которое будет считаться отличным от всех других. Место, которое можно назвать святым.

Спустя годы, грязь дорог утопталась, и выступы камней стали отполированными ступенями от бесчисленных шагов бесплодных женщин, хромых детей или других пилигримов в поисках сверхъестественного.

В конце концов, кирпичи уложены и красивые голубые купола вознеслись. Место поклонения построено.

Однако не только у мусульман и анимистов есть стремление к святым местам. У нас, христиан, также есть места поклонения. Не называя такие официально-известные, как Виа Доллороса в Иерусалиме и Церковь Рождества в Вифлееме, есть еще множество неофициальных мест, которые христиане выбрали, чтобы почитать.

Приезжая в Вифлеем, Браунсвилл или Торонто, кажется, что все места поклонения в принципе одинаковы. Это просто места, где люди ожидают найти некоторое святое переживание. Но как только это место становится популярным, то сразу то, что началось, как поиск соединения со Святым, становится институтом. Мы построили сверху крышу, составили расписание богослужений, и стали считать и записывать количество посетителей.

В самом лучшем случае, места поклонения представляют собой удобный способ засунуть Бога в коробочку. В худшем – они становятся дешевым волшебством. Просто идите в правильное место, организуйте все для правильного духовного опыта, и ваши нужды будут удовлетворены. Все вот так просто.

Места поклонения также имеют тенденцию быстро становиться больше, чем жизнь. Возможно, давным-давно что-то чудесное там произошло, а может быть, и не происходило. Кто теперь знает? Спустя какое-то время, вещь, которая значила для места поклонения не много, уже начала свою собственную жизнь.

Место становится более важным, нежели Тот, кто, предположительно, посещает обычное и делает его необычным. Место узурпирует честь, предназначенную Тому, Кто прошел рядом и сделал его святым. Люди, по-прежнему, продолжают строить места поклонения. Мусульмане, анимисты и христиане. Известно, что даже пилигримы делали так же.

Но уже достаточно здесь потратили время. Нам надо поторопиться и найти ночлег. Я опасуюсь холода.
Место поклонения кому?

Сотни собравшихся - это было одно из самых больших собраний христиан в Средней Азии за последнее время. Будучи одним из тех, кто помогал его планировать, я сиял отцовской гордостью. Это было в некоторой степени шоу, и даже более того, - это была показная национальная церковь.

Музыку прославления играли одни из самых лучших музыкантов Средней Азии, они все христиане. Группа танцоров в изящных национальных костюмах заполнили сцену, двигаясь по ней с хореографической точностью. Один вид их представления помогал смягчить январский холод. Духовный жар внутри помещения заставил меня думать, что я уже близок к объекту моего путешествия.

Уверен, что большинство людей в этом зале были впечатлены происходящим в должной степени. Я знаю, что мы, миссионеры, уж точно. Весь вечер был хорошо отполированной лестницей – для нас. Сколько раз я сам лично взбирался по ней в прошлом? И здесь мы использовали проверенную формулу – оставить все бытовое за стенами, а внутри создать теплое и святое место. Славное место поклонения, но для кого построенное?

К сожалению, где-то в толпе был, по крайней мере, один человек, который не переживал такого воодушевления, как все мы в конце вечера. Печально, что это был мой дорогой друг.

Саид, возможно, был одним из самых уважаемых лидеров церкви в этом регионе. К тому времени он уже был верующим около пяти лет, что гораздо больше, чем большинство его соотечественников. Более того, он был испытанным человеком. С самого начала, когда он обратился к свету, он стал лидером церкви в своем городе. Он испытывал проблемы внутри церкви, и кажущееся нескончаемым давление снаружи. Это был спокойный человек, подтвердивший свои духовные резервы.

После шестичасовой поездки, при сковывающей голову погоде, я сомневаюсь, что Саид заметил эту замечательную коробку, что мы построили. И хотя западные церковные обычаи были всего лишь недавним импортом, они уже устоялись, как тропа, по которой часто ходят.

Так же как и все остальные строители мест поклонения прежде нас, этот вечер продемонстрировал наши самые лучшие старания, чтобы управлять и контролировать Того, кто наполняет всю Вселенную.

Замерзший и усталый, Саид сразу заметил то, что согрело его до глубины сердца. Почти в самом начале толпы - старый, истрепанный временем, мусульманин.

Одетый в одежду, сшитую прежде, чем большинство находившихся в зале родились, он олицетворял собой саму традицию. Его седая борода говорила о мудрости, уважении и об их мусульманском наследии. Он сидел на деревянном стуле, держась очень прямо, и выглядел сердцем своего народа. Саид ожидал, что старик представит что-то большее этой ночью – пророчество о грядущей жатве.

Сидя во всей стати своей горделивой традиции, древний гость пришел послушать, и сегодня он услышал евангелие, которое ясно донес другой коренной житель Средней Азии. Он видел сотни людей в прошлом мусульман, которые сегодня открыто поклоняются Иисусу, как своему Спасителю и, возможно, он сам присоединится к ним до того, как вечер закончится. Есть более подходящее время для человека на пороге жизни, чтобы принять Христа?

Жаль, но этого не произошло. Оглядываясь назад, я понимаю почему.

Послание было на родном для этого пожилого человека языке, но стиль мышления и подача были прямо из Далласа или Чикаго. Слова песен в этот вечер были на родном для них языке, но песни вряд ли звучали как их музыка. Да и как они могли, будучи в основном переведенными с английского языка?

Я сильно сомневаюсь, что вся программа имела смысл для этого пожилого человека, чья мудрость пришла от жизни прожитой полностью в Средней Азии. И хотя я этого тогда не понял, для Саида это стало кристально ясно еще до завершения вечера. Он понял, что если когда-нибудь он действительно достигнет свой собственный народ, то такие люди, как этот пожилой человек должны будут получить евангельское послание более созвучное их миру, а не наоборот.

А что по поводу того старика? Я боюсь, что тот вечер только подтвердил его самые худшие опасения. Очевидно, что он пришел и разум его был открыт, но я, кажется, почти слышу ход его размышлений, когда он был на вечере, «это послание об Иисусе Мессии какое-то иностранное. Поклонение такое странное, все что они делают, так противоречит всему, что дорого нашей культуре».

Конечно, это всего лишь догадка. Никто из нас на самом деле не знает, что тогда подумал этот пожилой гость. До того, как кто-нибудь его спросил об этом, он тихо вышел из нашего места поклонения, которое мы построили в соответствии с нашими церковными традициями, и окунулся в снежную среднеазиатскую ночь.

Я не могу сказать с уверенностью, что он думал, придя домой, но одно я знаю точно. Очень мало из того, что видел в этот вечер старик, даст ему почувствовать, что он принадлежит этому. Не было ничего из его собственной культуры. Никакого приветствия для пожилых и уважаемых людей. Ни каких шуток. Ни совместной трапезы. Ни единой чашки чая!

Оправдывает то, что трудно делать такие вещи, когда собираются три-четыре сотни людей, и может быть, поэтому жители Средней Азии только от случая к случаю проводят такие собрания. Но мы могли хотя бы почтить стариков в собрании и найти место в программе для шутки или двух. Так нет, мы, как и большинство других строителей мест поклонения, построили то, что было удобно для нас.

Оглядываясь назад, я боюсь, что мы, миссионеры, невольно, но с тщанием делаем собрания, чтобы удовлетворить наши собственные духовные нужды. И слишком мало размышляем о духовных нуждах сотнях бывших мусульман и их родни, которые нас пригласили разделить. И что еще хуже, мы дали ясное понимание среднеазиатским верующим в собрании, что быть духовным - копировать наши церковные традиции. Весь вечер подобная духовная внешняя атрибутика уводила нас все дальше и дальше от истинного объекта нашего путешествия. Общий эффект вечера несомненно дал святое и трогательное переживание, это и есть место поклонения, если хотите.

Но чьи сердца были тронуты? Уж точно не того старого мусульманина, который ушел раньше.

Национальная церковь по определению будет странной и необычной для иностранных миссионеров. На самом деле, чаще всего именно те вещи, которые нам, пилигримам, не нравятся или непонятны, и есть по-настоящему национальные. Хорошо сформулированные методы одной культуры никогда не смогут говорить прямо в сердце другой.

В западной культуре есть много удобных способов, как производить правильный духовный опыт для тех, кто этой культуре принадлежит – множество удобных коробочек, чтобы держать Бога управляемым. Не думаю, что многие из нас когда-либо обсуждали это наше волшебство, которое не перестает очаровывать нас, но не имеет того же эффекта на наших среднеазиатских друзьях.

Часть 4 Караван – сарай

Слова «караван» рисует знакомую картинку – группа верблюдов или ослов и путешественников, связанных вместе для безопасности. Они всегда были вместе по всей Азии с незапамятных времен.

Вторая часть этого слова с изюминкой. Термин «сарай» используется по всей Средней Азии, особенно в деревнях. Он означает или комната для гостей, или амбар. Странное смешение идей, но вполне точное.

Караван – сарай были отдаленными сторожевыми постами на торговых путях, экзотическими местами, где обитали разные типы характеров – грозные видом военные, мелкие воришки и даже случайные маги, путешествующие с востока. Караван-сарай объединил в себе черты гостиницы и ресторана, военной заставы и, конечно, базара.

Эти небольшие места остановок часто начинаются не больше, чем с маленького чистого ручья. Такие источники воды восхитительно освежают эти места в сухой и пустынной Средней Азии. Затем, как видно из слова, это место становится популярным для утомленных путешественников, где они останавливаются и отдыхают. Все больше пилигримов слышат об этом приятном маленьком источнике воды, удобном, чтобы освежиться от трудностей дороги. Может быть, они решат переночевать, или остаться еще на какое-то время.

В кратчайшие сроки то, что было не больше, чем широкое пятно на дороге, трансформировалось в целый оазис отдыха. Немного домашних удобств делают это пыльную остановку дворцом для уставших пилигримов. Караван-сарай вскоре становятся частью историй, которые рассказывают купцы, пилигримы и другие путешественники, возвращаясь домой.

Однако когда появляется больше путешественников, кто-то должен обеспечивать развитие. Обычно просят какого-нибудь смельчака остаться на какое-то время, чтобы помогать другим приспособиться к чужому окружению, и может быть, немного преобразить его.

Обычно тот, кого просят остаться - хороший администратор. Когда он действует в своем даре, другие получают от этого большую пользу. Его труд облегчает путь для тех, кто желает насладиться источником. А это в свою очередь располагает к последующим визитам. И конечно, для того, кто имеет такой административный дар, вся эта деятельность приносит глубокое чувство личного и профессионального удовлетворения.

Никто и не осознал, как уже был построен караван-сарай. То, что раньше было отдаленным маленьким источником, теперь стало в гуще деятельности, с купцами и пилигримами, которые постоянно приходят и уходят. Но что здесь не так? Чем больше, тем лучше, не так ли?

Когда они приходят, сразу появляется целый набор нужд, которые надо удовлетворить – нужна структура, администрация. Когда так много посетителей, нужды появляются быстрее, чем полуденное солнце над степью.

Постояльцы нуждаются в еде и питье – поэтому открываются рестораны.

Им надо где-то спать – поэтому строятся комнаты.

Их животным нужно укрытие – поэтому появились амбары.

Без сомнения, развитие караван-сарая было вызвано нуждой. Но откуда появилась эта нужда? На самом ли деле маленькому источнику нужна вся эта организация для того, чтобы продолжать давать воду? Смог бы он продолжать давать чистую воду, окруженный всей этой структурой?

Несколько лет назад по дороге к друзьям я натолкнулся на останки древнего караван-сарая. Этот был одним из семи в регионе. Он укреплял границы между российской и китайской империями. Это место стало моим любимым, где я останавливался и отдыхал всякий раз, проезжая по этой дороге. Тень от его старых деревьев давала перерыв после пяти часов за баранкой.

Кроме деревьев, мало, что осталось. Несколько глиняных стен и немного останков строений внутри ограждений. Но все же есть что-то сверхъестественное в этом месте. Захватывает дух, когда понимаешь, что когда-то в этом месте жизнь была ключом.

Возможно, каждый рано или поздно находит свои собственные разбитые и пустые обломки караван-сарая. Возможно, это - часть пути?

Слишком много пилигримов

Не так давно группа миссионеров из разных стран собралась, чтобы насадить церковь. Заметьте, не просто какую-то церковь. Они хотели насадить истинно национальную церковь в самом сильном мусульманском квартале в одном большом среднеазиатском городе. Им хотелось увидеть новую церковь прямо по соседству с одной из самых известных мечетей в той стране. Это был смелый шаг веры.

Эта необычная команда, включая бывшего мусульманина из соседней страны, проводила часы на коленях, умоляя Бога излить Свою милость на соседний район. Они ходили по его улицам в ожидании того, как Святой Дух, в любой момент, поведет их к людям, которые окажутся доброй почвой для Божьего Слова.

И за поразительно короткий период времени это произошло! Всего через несколько месяцев эти смелые пилигримы увидели свое видение воплощенным. Небольшая кучка новообращенных верующих поклоняющихся Исе по домам возникла прямо в месте, откуда можно было услышать, как зовут на молитву в самой известной мечете во всей стране! Что-то удивительное происходило здесь.

Новые братья и сестры были все из мусульманских семей, и поэтому очень мало знали о Библии. Им многое предстояло узнать. И все же, каждый раз, когда это небольшое стадо собиралось вместе, они были живым свидетельством силы Божьего Духа, который действует даже в самых твердых местах.

Это молодая церковь была очень успешна, и Слово начало распространяться. Миссионеры написали домой в свои организации и друзьям. Они жаждали рассказать о том, что Бог сделал в таком трудном месте.

Вскоре некоторые миссионерские лидеры решили, что надо посмотреть на это. Когда они приехали, эти мудрые лидеры были сильно впечатлены. Они поняли, что это - было по - настоящему национальным. Поэтому было решено - это будет идеальное место для некоторых будущих миссионеров, и возможно, некоторых ключевых финансовых спонсоров, чтобы продемонстрировать работу «настоящей» национальной церкви.

Вскоре приехала первая небольшая группа, потом еще одна или две. Каждая группа была сильно ободрена через то, что они увидели. Многие впервые встретились с церковью, которой нет аналога на западе. Быстро были составлены планы на посещение еще нескольких групп - сначала немного, и по малу количество краткосрочных пилигримов возросло. Когда они приезжали, возник целый набор дополнительных нужд, которые надо было удовлетворить.

Гости нуждались в месте, с которым они могли бы быть эмоционально связанными - поэтому приобрели здание.

Им нужно было подходящее место, чтобы спать - поэтому построили комнаты.
Им нужен был удобный транспорт - купили микроавтобусы.

И так далее. И так далее.

Что касалось пилигримов, то, казалось, их нужды появляются быстрее, чем полуденное солнце в степи.

Никто и не заметил, как за короткое время был полностью построен небольшой караван-сарай. Все выросло из нужды, но никто не задал жизненно важного вопроса: «а чьи нужды на самом деле подняли это все?»

За короткий период времени это место стало центром активности, откуда миссионерские лидеры и краткосрочные пилигримы уходили и приходили на постоянной основе. Но что не так здесь? Чем больше, тем лучше, не так ли?

Через несколько лет некоторые местные миссионеры вернулись назад и стали размышлять. Так много хорошего произошло за такое короткое время. Или так показалось. Множество краткосрочных гостей приезжало, служили и возвращались домой с видением. Разве это не то, чем можно гордиться?

Но здесь есть уловка. Когда пилигримы проходили мимо, чистый маленький источник, который они посещали, был затоптан. На самом деле, он изменился до неузнаваемости. На его месте теперь структура и администрация - хорошо управляемый караван-сарай, но не национальная церковь.

Чтобы обеспечивать миссионеров и их зарубежных гостей, эта группа новообращенных постоянно должна была приспособливаться к нуждам приезжих. Но чем больше они старались приспособиться, тем меньше они становились национальной церковью.

С каждой новой группой пилигримов, которые приезжали служить, нужды давили на молодую церковь все сильнее. Множество безмолвных требований отступить встретились этой простой национальной группе верующих, которые просто не могли выдержать этот шквал гостей и остаться незагруженными. Давление было слишком велико.

Медленно и незаметно нужды пилигримов поглотили нужды национальной церкви. На самом деле, одно полностью покрыло другое так, что никто и не заметил, что эти двое – не одно и то же.

Простая истина состоит в том, что нужды национальной церкви часто невидимы для миссионеров. Факторы, необходимые для ее выживания диаметрально противоположны нуждам путешествующих пилигримов.

Мы нуждаемся в том, чтобы быть на виду. Они нуждаются в защите и покрытии.

Мы нуждаемся в том, чтобы произвести впечатление на состоятельных людей. Они хотят служить неимущим.

Нам надо собирать огромные количества людей, чтобы чувствовать себя важными. Им надо собираться всего лишь горсткой, чтобы не подвергать риску близость отношений и единство.

Возможно, надо задать вопрос: «Кто кому приехал служить?» Там так. И хотя это может странно звучать, но это истина. И истина, которая часто заставляет нас чувствовать себя не удобно. Иногда пилигрим должен провести ночь на открытом воздухе. Ни каких караван-сараяв. Ни какого убежища от жесткой реальности.

Возможно, уже самое время спросить себя, почему мы тратим так много времени на построение структур, когда могли бы строить жизни? На самом ли деле Царство Божье нуждается во всех этих структурах или мы в них нуждаемся? Мы боимся, что без караван-сараяв у нас не будет другого способа показать этому миру наши плоды, не будет доказательства нашей ценности?

Но в некотором роде это спорный вопрос, по крайней мере, для этого караван-сарая, на сегодняшний день больше не существует национальной церкви в самом твердом исламском районе центрального среднеазиатского большого города. Сегодня не много осталось, только несколько маленьких собраний, на которые приходит горстка бывших мусульман, ставших экспертами в удовлетворении нужд многих пилигримов, которые уже давно ушли дальше.

И все же осталось одно – мое самое любимое место. Мысленно я постоянно там останавливаюсь. Есть что-то чудесное в этом месте. Знание того, что когда-то это место было полно жизни и энергии будоражит.

Надеюсь, что никто из моих друзей пилигримов не будет вынужден обнаружить разрушенный, пустой свой собственный караван-сарай. Кажется, такие вещи всегда расположены слишком близко к сердцу. Но с другой стороны, может быть, это всего лишь часть пути? Некоторые могут сказать, что для пилигрима даже хорошо столкнуться с опасностью и страхами, сквозь разрушающиеся стены знакомых структур. Это помогает прояснить видение о том, что такое национальная церковь, и чем она не является.

Более того, вид этих руин может быть достаточным для понимания того, что мы достигли очень важного момента. Вероятнее всего теперь мы абсолютно потерялись.

Часть 5 Заблудился

Признание, что кто-то потерялся, не будет причиной великого стыда, потому что здесь нет ничего нового. Люди теряли свою дорогу с давних, давних лет. Послушайте слова из древней книги, написанной пророком Моисеем:

Второзаконие 8:2 «И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет»

Пилигримам, которые чувствуют, что блуждают по кругу, я скажу - не робейте, вы не одиноки. Кажется, у нас здесь неплохая компания подобралась.

Я знаю, что это может быть небольшим утешением для многих. Как продукт западной культуры, мы знаем, что прогресс – это имя игры. Пилигримы и прогресс, они вроде идут вместе.

Истина в том, что главная проблема пилигрима – это пойти. Плохо затормозить даже на короткое время. А провести годы без ощутимого продвижения вперед сродни затянувшейся смертной казни. И, к сожалению, это жестокое наказание не осуществляется за запертыми дверями. Наоборот, кажется, что многие хотят стоять и глазеть на это. Иногда пилигрим чувствует, как будто идет спектакль перед всем миром.

Здесь следует понимать, что аудитория не желает вам никакого вреда, но поиски потерянных на виду у толпы могут ослаблять силы, особенно, когда это касается одной определенной группы людей, которые наблюдают за нашими успехами, внимательнее других. Я объясню.

Во все времена большинство пилигримов сами не были состоятельными людьми. Чтобы преодолеть эту стеснительную денежную проблему, они обычно искали состоятельных покровителей, которые помогали финансировать их святые путешествия. С современными пилигримами дело обстоит так же – у нас так же есть наши покровители. Сегодня мы называем их разными именами, но все остальное не много изменилось.

Я говорю о тех щедрых людях дома, которые дают деньги на поддержку нашего служения, финансируют бюджет или можете назвать это как угодно. Я имею в виду тех, кто, как мы надеемся, будет продолжать давать, чтобы у наших детей было, что поесть.

Но, будучи принимающей стороной этого дела, нам важно понимать причину, почему наши спонсоры дают свои трудом нажитые деньги. Это не потому что мы нравимся им. И не потому что они хотят, чтобы наши дети выросли и стали счастливыми, уравновешенными людьми.

Нет. Они дают, потому что они верят. Они верят в те же вещи, что и мы. Их души впечатляет тоже видение, что и наши. И поскольку наши покровители – люди тех же убеждений, что и мы, они хотят видеть то, что видели мы, чувствовать, иногда даже трогать

то, что мы чувствовали. Они внимательно наблюдают за нашим успехом и только так они могут мельком увидеть это путешествие нашими глазами.

Это одновременно и утешает и является источником полуночных приступов беспокойства. Глубоко внутри большинство пилигримов в то или иное время спрашивают себя: «Что все эти замечательные люди подумают, если они обнаружат, что я не смог?»

Не забывайте, наши спонсоры любят нас. И они действительно верят в нас. Многие из них рыдают с нами в наших трудностях и радуются нашим победам. Даже простое знание этого приносит утешение усталой душе.

Но есть еще что-то, о чем большинство из нас также знает. Мы хорошо понимаем, что наши спонсоры имеют законное желание знать, что из деньги расходуются правильно. Как хорошие бухгалтера, они хотят видеть, что числа увеличиваются, в духовном смысле. А почему бы и нет? И тем не менее, это знание вселяет страх в сердце того, кто на самом деле боится своего банкротства.

Какие бюллетени с новостями пилигримы должны слать домой, когда нет никакого продвижения? Что нам надо говорить, если мы чувствуем себя сбитыми с толку и смущенными? Как нам даже начать разговор с нашими патронами о том, что мы заблудились по пути? Не «потерялись» в теологическом смысле слова, а скорее «потерялись» в обычном смысле. Потерялись как тот, кто свернул не туда, может быть, дважды, и теперь мы честно не знаем, где же мы находимся, и даже как нам вернуться назад до поворота.

Большинство пилигримов, если не все, находили себя в этом состоянии, так или иначе, на своем путешествии. Это очень эмоциональный момент, когда оставшиеся детские страхи пересекаются со страхами, которые мы заимели во взрослом возрасте. Они искажают нашу перспективу и затрудняют поиски Бога. Это место, где страх отверженности вызывает дурное предчувствие экономического упадка, и одна маленькая неудача перерастает в уверенность о провале. Это – ужасающее место, но оно и есть – сияющий момент истины.

И к тому же, если я точно помню, это то самое место, где дорога расходится на три пути, ведущие в разные направления. Это одинокое место, где каждый пилигрим лицом к лицу встречается с необходимостью делать выбор, порой не очень удобный, где мы и находимся сейчас.

Левый путь

После длительных и тщательных обсуждений некоторые пилигримы поворачивают налево. Этот путь выглядит прекрасно – широкий, гладкий и проторенный. У тех, кто выбирают следовать в этом направлении, вскоре появляется новый язык. Они начинают говорить «по-евангельски», как некоторые это называют. Вот как это происходит.

Как все еще новички в паломничестве, они пытаются описать земли своего путешествия своим покровителям. Когда они так делают, люди дома легко впечатляются образами этого нового экзотичного мира. И потом происходит так, что пилигрим получает поток откликов. Рассказал какую-нибудь заурядную историю, вкрапив лишь несколько дополнительных деталей, разумеется, случайно.

Временами, преувеличивая немного здесь немного там, это становится практическим правилом. И скоро даже самые обыденные моменты пересматриваются и становятся захватывающими духовными приключениями или опасностями, угрожающими жизни. Далее быстрый спуск по склону.

При изучении любого языка – беглость возрастает при использовании. Быстрее, чем вы сможете сказать «quagmire» (произ. «квогмайе»), что вначале очень неудобно произносить, теперь звучит, как родной язык. Как только мы начинаем выражаться «по-евангельски» в наших новостях и проповедях, люди начинают ожидать это. И мы оказываемся в ловушке собственных слов.

Вернувшись в начало пути, нам казалось, что это славный, восходящий путь, по которому стоит идти и идти. Но позже появляются слухи, что он, в конце концов, ведет вниз к одной из великих среднеазиатских соляных равнин, известных своими большими ядовитыми гадюками. Покончив с этим, могу я предложить нам отправиться по другому пути?

Средний путь

Очевидно, что далее мы будем исследовать средний путь. Едва взглянув, становится понятно, что здесь будет гораздо труднее, чем на левом пути. Потребуется по-настоящему попотеть. И, тем не менее, этот путь очень привлекателен. На самом деле, кажется, что этот путь – путь выбора, основанного на движении пилигримов вокруг нас.

Спасибо современному развитию технологий – теперь этому среднему выбору стало еще легче следовать. Сбегайте в городе в любой копировальный центр Ксерокс и готово! И любой сможет решить все проблемы служения в этой новой земле нажатием кнопки.

Если есть опытный певец или сочинитель песен, то он сможет быстро обучить других, верно имитировать удобные, привезенные из дома мелодии. И даже если пилигрим очень скромно одарован в исполнительном виде искусства, который мы называем проповедованием, он, несомненно, сможет отксерокопировать свои действия во многих оазисах Средней Азии.

Больше нет нужды бороться и прилагать усилия, чтобы вытянуть национальное. Путь ксерокопирования покончил с этим тяжелым трудом. Просто выбирайте любимую версию, которая чаще всего взята с нашей домашней церкви, сделайте несколько небольших корректировок уровня краски в картридже, нажимайте на «Копировать» и voila! Выходит новая национальная церковь!

Этот путь имеет несколько привлекательных выгод. Во-первых, планы и предвзятые идеи, которые мы взяли с собой, подходят как раз. Так как, даже если мы проехали 14 тыс. миль и пересекли 12 часовых поясов, все на этом пути будет узнаваемым, даже знакомым. Все – прекрасно и в порядке – на западный манер – и мы, иностранные пилигримы, чувствуем себя, как дома.

Второе, это прекрасная и опрятная церковь делает каждого счастливым. Каждого, кроме среднеазиатских верующих, которые претерпевают культурный шок каждое воскресное утро.

Как только они заходят в эти священные двери, они сталкиваются с нереальным миром, где духовность часто приравнивается к пунктуальности, даже не смотря на то, что они с детства знают, что ничто важное никогда не начинается ровно по часам. После жизни проведенной на теплых подушках на полу, они обязаны расположить свои тела на холодных металлических стульях, чтобы встретиться с Богом.

Поскольку этот средний путь – маршрут популярный, возможно, я должен объяснить некоторые детали, как по нему идти. Это довольно просто, и поэтому не удивляет, что многие выбирают это направление.

Я знаю, что для меня это было просто, но я расскажу эту историю позже.

Есть три важных шага в следовании по среднему пути:

1 начинайте с молодежи, той, что достаточно молода, потому что они податливы и не будут подвергать ваш авторитет сомнению. Будьте осторожны со зрелыми людьми, особенно с семейными мужчинами. У них просто тенденция спутывать даже самые тщательно проработанные планы.

2 теперь подкиньте денег, но понемногу, и не слишком много в одно место. Не так важно, какая валюта используется, но мы заметили, что в Средней Азии доллары США самые ходовые. С ними можно сделать почти все – снять помещение, напечатать литературы и даже купить верность.

3 последний из трех шагов, конечно, и самый веселый, потому что сейчас мы начинаем снабжать наш тяжелый труд аксессуарами – разноцветными костюмами и традициями.

Экзотичные головные уборы и танцы работают великолепно, и в Средней Азии они одни из самых красивых.

Время показало, что это самый успешный маршрут. Часто большие церкви начинали на этом пути. Конечно, другой вопрос насколько на самом деле любая из них – национальная.

Несмотря на очевидные прелести этого пути, возможно, слово предостережения будет как раз во время.

Есть несколько небольших трудностей в запасе для пилигримов, которые выбирают это направление.

Первое, средний путь – не для тех, кто на бюджете. Может дорого обойтись постоянное сохранение счастливого состояния ваших новых друзей, раз вы уже стали для них источником всяких благ. Наши друзья скоро потеряют веру в нас, если мы не сможем жить в соответствии с их ожиданиями. Кроме того, настоящая дружба строится на равенстве и взаимности - вещах, которые не разовьешь на улице с односторонним движением.

Вторая проблема в том, что те молодые люди, которых выбрали лидерами, могут впечатлиться и ими легко управлять, но они также имеют небольшой авторитет в своем обществе. Среднеазиатское общество имеет надоедливую привычку почитать мудрость, которая приходит от долгой жизни, взращивания семьи и седых волос, которые доказывают эту мудрость.

Этот может по-настоящему раздражать, когда несколько лет спустя, некоторые из тех молодых и легко контролируемых людей становятся взрослыми людьми с сильной волей. Они действительно могут начать ожидать, что мы будем слушать их! Эта перестановка ролей проблематична для пилигримов приученных к тому, чтобы все было под контролем.

Кто-то может сказать, что этот путь поверхностный. И истина в том, что этот выбор обычно имеет так мало почвы, что на нем очень редко вырастает что-либо, что можно назвать национальным. Но мы не в том месте, чтобы судить эти дела, и не обязаны. Суровый и неприветливый духовный климат Средней Азии более чем способен сам себе вынести вердикт. Видите ли, самая разочаровывающая часть этого избитого пути – это его пункт назначения. После многих лет упорного труда, пилигримы могут обнаружить себя совсем не там, где надеялись. Для пилигрима наступает самое ужасное утро, когда он просыпается и понимает, что пришел в неверный пункт назначения. Я знаю это.

Личные исследования среднего пути

Было жаркое и сухое утро, когда я проснулся в неверном пункте назначения. Или лучше сказать – утро было отвратительным, когда я проснулся в неверном месте и осознал, что оно – неверное. Я стоял в церкви среди прекрасных прямых рядов складных стульев после прекрасно проведенного воскресного богослужения, и разговаривал с одной молодой женщиной, которую я назову София.

София, можно сказать, была плодом совместных усилий. Раньше на своем пути я работал с одним одаренным и трудолюбивым братом, тоже пилигримом. Вместе мы мечтали, что начнем обучающий центр, где мы будем «учить будущих лидеров национальной церкви». Как слоган звучало хорошо, очень походило на что-то из миссионерских учебников. София была одной из наших первых студентов, и также она была одной из наших немногих студентов, потому что Бог, по Своей милости, не позволил нашему учебному центру проработать долго.

Тем не менее, в это утро я увидел доказательство того, что мы могли наставлять хороших лидеров в нашем учебном центре. Эта бывшая наша студентка была бодра и энергична. Она могла проповедовать, учить и молиться с лучшими из них. Она даже могла немного говорить по-английски. Без сомнений, она пойдет далеко.

Возможно, даже дальше, чем я думал.

Эта молодая и неопытная девушка уже была ключевым лидером в такой же молодой и неопытной церкви. И все же и у нее и у церкви дела шли вполне хорошо. Поэтому ее успехи подогревали гордость за наш учебный центр. И как подобает моей роли в развитии ее служения, я решил немного поговорить после воскресного служения в то утро.

«Ну, что ж, кажется, Бог благословляет вашу маленькую церковь», - сказал я своим самым «пастырским» голосом. На самом деле я и не ждал ответа; немного обычных «христианских» фраз было бы достаточно. Знаете, тех, что мы обычно говорим пастору после воскресного богослужения. Но тогда в ответ я получил совсем другое.

Возможно, мы недостаточно хорошо научили Софию едва различимым оттенкам того, что называется быть религиозным, потому что ее ответ вырвался прямо из сердца. Как внезапное наводнение в пустыне, грязная вода поднимается повсюду, настоящей силой.

«Вы на самом деле думаете, что эта церковь наша?» - ответили она. «Вы видите здесь что-либо наше? Все было импортировано из вашего мира». Показывая вокруг, София продолжала: «Это...этот порядок...структура...все это не моя культура. Если бы я поехала куда-нибудь, я бы хотела поступать, как Апостол Павел, а не миссионеры! Почему вы не приехали и не стали поступать, как апостол?»

Так же быстро, как и пришел, этот поток эмоций быстро и ушел. Его место заняло тяжелое чувство, в то время как София продолжала, - «Я хотела, чтобы эта церковь была наша, но сейчас я уже сильно устала стараться. Миссионеры принесли нам евангелие, так сильно перемешанное со своей культурой, что оно никогда не вырастет здесь».

Что делать в такие моменты? Я лично не имею понятия. Должен ли я отвечать на то, что, очевидно, и не было вопросом?

Пока София удалялась, я стоял оглушенный. Несколько минут я боролся, чтобы найти ответ, хотя бы для самого себя. Намного позже я осознал, что это было место, где я достиг моего одинокого момента истины – этого ужасающего места, где мои детские и взрослые страхи смешались, где призрак неудачи начал посещать закоулки моего разума. Передо мной расстелились разные дороги, по которым надо идти, и каждая вела в разные пункты назначения. Какую дорогу я выберу?

Прошло какое-то время, разочарование и боль на лице Софии подвигли меня к нескольким неуютным для меня решениям. Самодовольный, самоправедный вариант был бы против миссионера, с которым она работала. Всегда легче указать по сторонам, и это именно то, что мы делаем, когда сами виноваты и знаем это. Но глубоко внутри я знал, что было что-то еще неправильно, что-то более фундаментальное для моего служения, хотя я и не был уверен, что имею силу воли разобраться с этим.

Это путь, по которому Бог поведет пилигрима, и это то, как я оказался на третьем ответвлении моего пути.

Непривлекательное третье ответвление

Сейчас, возможно, самое время посмотреть, как же мы здесь оказались. Какое-то время назад мы натирали философским воском понятие того, что значит быть потерянным. Не просто немного сбившимся с пути, а безнадежно потерянным. Такой тип потерянности, когда говорят «блуждает кругами в пустыне».

Как только эта идея до нас доходит, мы перестаем учитывать наших благосклонных патронов дома, которые помогли нам дойти так далеко. Они любят нас и верят в нас, но им по-прежнему нужны отчеты о наших продвижениях, если мы хотим, чтобы они и дальше спонсировали нас в этом путешествии.

Поэтому, не смотря на нашу совершенную потерянность, мы понимаем, что надо что-то делать. Это место, где путь расходится на три разных направления. Этот смущающий момент истины выставляет на показ наши немощи и заставляет решать, как мы будем справляться с нашей ситуацией.

Сначала мы посмотрели налево, и нашли путь, усыпанный простыми трюками вроде «евангельского» жаргона или сенсаций по поводу повседневных событий. Слава Богу, что Дух Святой обличил нашу испорченную природу, когда мы засмотрелись в этом направлении. Поэтому мы повернули наших верблюдов в другую сторону.

Потом мы увидели другую дорогу, более привлекательную, с ее ксерокопиями. С самыми небольшими корректировками, мы смогли импортировать законченную церковную традицию из нашей родной культуры, трансплантировав ее в эту иностранную почву. Мы нашли, что сможем покрыть большую территорию, если всего лишь похитим несколько молодых людей из их культуры и набросаем вокруг немного денег. С поразительной скоростью мы сможем произвести то, что отобразит наше путешествие, что-то, что удостоверит нас самих, наших патронов, что мы все-таки не проиграли.

Помимо скорости, у этого пути есть много преимуществ. Наиболее примечательные – серии образцовых собраний, которые, несомненно, делают большинство пилигримов счастливыми.

К сожалению, список недостатков такой же длины. Это особенно относится к тем смущенным местным верующим, которые не могут понять многого из того, что происходит в их собственной церкви.

На этом среднем, как мы его назвали, пути – самый плотный поток путешественников. Некоторые пилигримы будут тратить свои карьеры, устремляясь вперед по этому привлекательному пути. И конечно, не будем забывать, что другие, возможно, будут вынуждены тратить свои карьеры, чтобы убрать обломки разбитых сердец, разбросанных повсюду на этом пути.

Итак, кажется, что путь, расстилающийся справа, единственно оставшийся нам для исследования. Я сказал для исследования, потому что этот путь до сих пор почти не нанесен на карту. Лишь некоторые путешествуют по этому пути.

На первый взгляд этот путь не привлекателен вообще. Некоторые даже могут сказать, что он выглядит скорее уныло. Сомневаюсь, что кто-либо из нас будет слать домой фотографии этой части пути. Но иногда жизнь оставляет нам скудный выбор. Даже не смотря на то, что путь впереди кажется слишком суровым, я верю – это наша единственная надежда на будущее. Так что же это за путь?

Эта небольшая, скромная вещь называется истина.

Чтобы продолжать путешествие по этому пути, мы просто пишем нашим дорогим покровителям, что мы в действительности не знаем, что мы делаем. Нам надо свободно признать, что мы пока не видели, что здесь представляет собой национальная церковь. И пока нам кто-нибудь не покажет, мы вряд ли это когда-либо увидим. Этот путь требует, чтобы мы перестали вести других к вере в то, что мы в некотором роде духовные гиганты. Нам надо быть честными со всеми – нашими друзьями, нашей семьей, нашими спонсорами и нашим Богом.

Будучи честными, мы обнаружим, что больше не можем принимать похвалу за то хорошее, что происходит вокруг. Вся честь, вся хвала должна быть отдана Другому. А вместо людских похвал мы сможем найти вещи, которые имеют большую ценность. Как только мы прекратим строить места поклонения и караван-сарай для самих себя, мы сможем увидеть впереди чудесные знаки.

Пустыни Средней Азии безбрежны. Одни - песок и дюны, а другие - просто горы и пыль – бесконечные миля за милей – и повсюду только забивающая легкие пыль. Самый лучший способ описать эти пустыни – использовать русское слово «пустыни», что значит «пустой» или «ничего не имеющий». Это места, где нет ничего – огромные, унылые, пустые пространства.

Это обширное бесплодное пространство покрывает более 60 процентов топографии Средней Азии и не ограничивается только физическим миром; это также характеристика и духовного ландшафта. Пилигрим, путешествующий по Средней Азии, будет проходить эти места неуверенной походкой, и ему всегда будет легко и просто потеряться.

Представьте себе прохождение через такое страшное место. А теперь вспомните, что это путешествие, в котором нет карт, и вы не имеете ясного понятия о том, как же выглядит пункт вашего назначения. Если этот образ вызвал холодок по спине, то, возможно, вы почувствуете сострадание к провалам и ошибкам пилигримов, которые, как и я, часто терялись в этом духовном пустыре.

«Записывайтесь сейчас на следующий караван, идущий в великую и бесконечную пустыню!» Разве не заманчиво?

Ужасающий образ путника, безнадежно потерянного в просторах, где нет ни единой тропинки, поможет нам оценить факт, насколько пилигримы нуждаются в указателях на пути. Если бы мы только могли найти такую отметку - за это смело можно отдать все, чем мы владеем на земле, включая все наши безделушки и традиции, которые мы привезли из дома.

Или представьте себе разношерстную команду уставших, жаждущих пилигримов, блуждающих по той же самой пустыне. И не смотря на то, что они начали путешествие полные надежды и обетований, сейчас они безнадежно потеряны и отчаянно нуждаются хоть в каком-нибудь знаке.

Когда солнце погружается в дюну, они видят то, что вводит их в замешательство. Сначала кажется, что это какой-то странный – второй закат. Неужели это еще один мираж, которые они уже встречали много раз? И все же, когда темнота медленно обернула нас собой, стало ясно, что чем бы не было эта вещь, она – настоящая. Сверхъестественно повиснув в ночном небе, как знак, и мерцающая светом, это манило идти следом. Этот странный небесный знак вдохнул новую надежду в потерявшихся пилигримов. Возможно, только возможно, это – выход из пустыни.

В древние времена пилигримы, торговцы и владельцы караванов по всему древнему Шелковому пути полагались на специальную навигационную систему, идеальную для них – огненные башни – маяки.

Эти огромные сооружения были построены по приказу и по доброте разных местных властителей, чьи города располагались на главных путях караванов.

Эти древние знаки, огненные маяки, были построены из крепкого, обожженного солнцем кирпича, и поэтому могли достигать небес. Идея состояла в том, чтобы взметнуть огромные факелы так высоко, чтобы по их свету можно было определять направление в лишенной всяких очертаний пустыне.

Одна из таких кирпичных башен богато украшена, и до сих пор стоит в древнем городе караванов – Бухаре в Узбекистане. За несколько монет ищущий приключений пилигрим может, подставив себя ветру, взобраться по внутренней лестнице на парапет, где пять раз в день призывают мусульман на молитву. Элегантный силуэт башни возвышается на более чем 45 метров. Она была одним из самых высоких строений в мире в 1127 году от р. Х. Говорят, что ночью огненная башня Бухары видна на сотни миль!

Без нашего ведома в самом начале этого прекрасного путешествия великий и благосклонный Правитель уже установил эти огненные башни на нашем пути. По какой-то причине для Него важно, чтобы мы смогли найти путь. Горящие знаки, которые Он разместил, помогут нам отыскать путь к объекту нашего путешествия, даже в самых плохих условиях. А какие условия могут быть для пилигрима хуже глубоко впечатанного культурного невежества и духовной гордыни?

Благодаря своей внушительной высоте может показаться, что эти впечатляющие факелы в ночном небе будут видны любому путешественнику, но это не всегда так. Иногда бывает очень трудно увидеть вещи, которые мы видеть не хотим.

Возможно, будет лучше, если я в деталях опишу одну из таких башен, которую я обнаружил на моем пути. Наш пилигрим в глубоком долгу перед этими знаками и желает, чтобы другие агонизировали в поисках этих маяков только в ретроспективе, как и он сам это часто делал.

Часть 7 Вызов в ночи

Предполагаю, что сейчас вы сказали бы, что я добрался до своего личного камня – указателя. Теперь я был абсолютно уверен, что не знаю ничего о национальной церкви. По крайней мере, то, как она должна выглядеть в Средней Азии. Это было выше моего понимания. Я был вынужден признать, что так ни разу не видел чего-либо, что можно было бы классифицировать, как национальное. И хуже всего то, что я даже не представлял себе, где искать.

Для некоторых людей, возможно, трудно представить, какое это было отталкивающее место, но попытайтесь представить себе его. Я потратил огромные суммы денег чужих людей. Моя семья проехала пол мира, чтобы я мог быть «экспертом», т.е. миссионером. А вместо этого я вынужден признать, что не знаю ничего. Ноль. Для меня это был унижительный момент, который я бы с радостью оставил лишь для себя, если бы не написал эту книгу.

Примерно в это же время кое-что еще появилось на горизонте. В начале оно было маленьким и едва заметным, но потом выросло и стало огромной огненной башней. Факелы, пылающие в небесах – их свет полностью обнаружил мое невежество. Слава Богу, они также высветили кое-что еще, гораздо более важное. В их свете я начал видеть тех, кто должен знать, на что похожа национальная церковь.

Этот небесный знак впервые появился в поле моего зрения, когда я был у моих друзей. Аким Джан и его жена Рина в то время проходили свои трудности. Это трудности, возможно, участь всех, кто решается быть первопроходцем в деле насаждения церкви среди своего собственного народа. Требуется тяжелый труд, чтобы пасти драгоценные души, которые оставили ислам, чтобы найти убежище в Исе, как в своей башне спасения. Аким Джан и Рина в сложных обстоятельствах поливали своими жизнями это трудное место. В большинстве случаев их наградой был резкий отпор. Они знали - их Господин предупреждал, что именно так будет, но это знание не делало вещи легче.

Однажды в весенний день, сразу когда на горах растаял снег, я отправился к Аким Джану и Рине с надеждой, что смогу дать им хороший совет, и хоть как-то помочь в их ситуации. Со временем, однако, я осознал, что именно я получил в тот день хороший совет. Оглядываясь назад, я вижу, что я получил гораздо более ценный совет, чем дал в тот вечер.

Вечер длился до глубокой ночи, на потолке светила голая лампочка в 40 ватт, а я продолжал слушать этих простых слуг Божьих, пока они выливали свое разочарование и гнев. Причинами, по большей части, можно назвать те же вещи, которые ранят церковных

лидеров и дома – сплетни, непрощение, клевета за спиной и тому подобное. Как человек бывавший в этой роли раньше, я мог бы помочь им справиться с этой болью. Но, они также сталкиваются с болью, которую большинство пилигримов никогда не узнают. В дополнение к нормальным церковным проблемам, они вынуждены справляться с греховным отношением миссионеров.

Можете быть уверены, большинство миссионеров, которых я знаю, настоящие святые. Я действительно так считаю. И только некоторые из них совершали сколько-нибудь серьезные грехи. Но именно такие незаметные вещи, как духовная гордыня становятся причиной того, что многие миссионеры-пилигримы полностью теряют ориентиры. Я говорю о том виде духовной гордости, который вырабатывается за годы учебы и подготовки к миссионерству. Этот вид делает нас медленными, чтобы слушать, и очень скорыми на раздачу советов. Эта гордыня заставляет нашу голову чваниться от знаний даже тогда, когда сердце высыхает от недостатка благодати. Это наш косвенный враг, и особенно трудно его заметить, когда он застрял в чьем-то собственном глазу.

Но в ту ночь, по Божьей благодати, кто-то начал вытаскивать бревно из моего. Слепота начала проходить, когда я слушал, как мои друзья говорили, что они видели, когда мы, миссионеры, потакали этому едва уловимому греху. Я слышал о боли, которую мы так часто причиняем тем самым людям, которым говорим, что любим.

Обычно такие неудобоваримые вещи никогда не открываются гостям. Не в Средней Азии, где гостеприимство и сохранение лица так важны. Однако во время разговора в тот вечер я мог сказать, что что-то беспокоило моего друга, но Аким Джан не говорил что. Я решил прозондировать почву.

«Что-то беспокоит тебя, Аким», - сказал я. «Что это? Ты знаешь, что мы можем говорить о чем угодно».

Один взгляд на него и я понял, что задел за живое, но, в соответствии со своей культурой, он остался непроницаем. Я аккуратно надавил еще. После долгого уговаривания, он, в конце концов, ответил: «Да, ты не захочешь это знать».

Мои нервы были на пределе, а тело ныло каждой костью, после шестичасового переезда на такси до дома Аким Джана, и даже это непроизвольное высвобождение не помогало. Я надавил еще, настаивая: «Нет, захочу. Я на самом деле хочу знать твое мнение».

Я что-то слышал, что в традиции Средней Азии надо спрашивать три раза. Не знаю, был ли это тот случай, но джин вышел из бутылки. Когда Аким Джан начал говорить, его тон не был сердитым, а выражения не были злыми. Однако его слова звучали уверенностью человека, который много размышлял о предмете нашей беседы.

«С миссионерами всегда трудно работать» - сказал он. «Они относятся к нам без должного уважения». Он говорил о себе и своей жене. «Иногда они спрашивают наше мнение, но они никогда на самом деле не хотят знать, что мы думаем. Они просто хотят, чтобы мы соглашались с их идеями и планами».

Я сосредоточенно слушал, а он продолжал: «И такое происходит со всеми нами», сказал он, давая понять, что говорит и о других среднеазиатских лидерах церквей, которых мы оба знали. «Несколько раз мы были честны и сказали то, что на самом деле думали. Но наше мнение не учли. Эти миссионеры по-прежнему делают то, что хотят они. Нас они не слушают».

До того, как он закончил говорить, я стал обдумывать свой ответ. Конечно, такие вещи происходят время от времени, думал я. Мы все – люди, брат.

В дополнение, я не оставил незамеченным его вежливый тон, когда он говорил в третьем лице «эти миссионеры». Я знал, что он старается быть вежливым. Но так как я тоже один из «этих миссионеров», я почувствовал себя оскорбленным. Я знал, что никогда не вел себя подобным образом.

Теперь, когда я выманил его из его культурных норм, я решил, что мы должны продолжать, следуя моим принципам. Будучи американцем, я хорошо знаю, как использовать честность в качестве дубинки, для молчаливого несогласия. Как христиане, мы делаем это постоянно – в духе истинной любви, конечно. Поэтому, я продолжал говорить Аким Джану, что даже если какие-то миссионеры и причинили ему боль в прошлом, это не норма. Возможно, есть непрощение в его сердце, с которым надо разобраться?

Откровенно говоря, я был немного разочарован в Аким Джане. Обычно, он проявлял себя очень зрелым верующим, и я считал его очень духовным человеком. Почему же сегодня он вел себя совсем по-другому?

Он ответил мне с той же уверенностью, бросая простой вызов: «Сам выясни. Спроси тех, кого я упомянул. Посмотри, что они ответят. Если ты сможешь убедить их открыто поговорить с тобой об этом».

То, как он поставил акцент на слово если, напомнило мне, что в культуре Средней Азии почетным друзьям оказывается самое высокое уважение. Бывает очень трудно получить искреннее мнение друга, если он думает, что тем самым он ранит ваши чувства. И, тем не менее, вызов Аким Джана взволновал меня, и я должен был сам проверить. Я был уверен, что докажу его неправоту.

Болезненные ответы на множество вопросов

Итак, я начал задавать вопросы. Кучу вопросов. Это продолжалось несколько следующих месяцев. Я выяснял, исследовал. Возможно, своими поисками истины я смутил некоторых из моих среднеазиатских друзей. Их мировоззрение говорит, что некоторые вещи лучше оставлять не высказанными. Но я добивался, чтобы все вышло наружу. Даже их культурное табу – не обидеть друга – не помогало спрятаться. К моему стыду, я обнаружил, что Аким Джан был прав. На столько, что я заболел.

Каждый среднеазиатский лидер, с которым я разговаривал, эхом повторял его оценку. И конечно, в разговоре они были очень вежливы и не говорили прямо. Это – их культура. В каждом случае, после нескольких кругов вокруг вопроса, они все соглашались, что большинство миссионеров не хотят знать, что думают местные верующие. Для нас это часто не уместно. Когда мы хотим что-то сделать, мы просто делаем это. Может быть дело связано с тем фактом, что мы контролируем все ресурсы?

Эта болезненная истина жалила, как скорпион в ступню – снова и снова. Как мне снять это обвинение? Сколько раз лично я был виновен?

Я начал понимать, что обычно ценил свое мнение гораздо более, чем почитал мудрость, которая шла от тех, кто прожил всю жизнь в Средней Азии. Более того, когда я, случалось, отказывался от советов этих зрелых мужей Божьих, я демонстрировал недостаток уважения к ним лично. Досадно.

Проблеск знака, который что-то должен был до меня донести, был так болезнен. Я не мог действительно слышать, что они там говорили, и просто продолжал нести служение, как обычно. Я должен было или признать это за мираж, или последовать, как за знаком с небес. Я выбрал последнее. Мои представления о миссиях и служении медленно начали меняться.

Я осознал, либо я буду продвигать свою собственную повестку дня, используя для этого то огромное уважение, которое мне, как миссионеру, оказывается, либо я буду использовать уважение и влияние для идей, которые возникают в национальной среде. Я мог предложить годы опыта и изучения Библии, как ресурс для местного лидерства, или я могу использовать их дары в качестве ресурсов для самого себя. Но я не буду делать ни того, ни другого.

До сего момента я пропускал значение слова «коренной». Я никак не мог увидеть, что это способ мышления, который я, как иностранец, никогда не смогу до конца понять. Поэтому я начал задавать больше вопросов, чем давал ответов. Я начал доверять местным лидерам больше, а себе и другим миссионерам меньше.

Когда боль от удаления бревна из моего глаза прошла, я в нетерпении начал исследовать горизонт, чтобы найти другие огненные башни. Я обнаружил один чрезвычайно драгоценный знак, и не хочу упустить другие, которые, может быть, будут продолжать направлять меня в путешествии.

Без сомнения, поздний вызов Аким Джана вырос до самого важного пункта в навигации по моему паломничеству. Он показал мне множество мест, где я блуждал. Его свет проливает длинные тени на многие вещи, в которых я раньше был уверен, и указывает мне на новое, но незнакомое направление.

Там, где в прошлом я думал, что знаю так много, теперь у меня были одни вопросы. Море вопросов. Я просто не знал, как находить цель, которую так сильно хотел достигнуть – национальную церковь среди этого народа в Средней Азии. Но теперь я осознал, что, так же как и божественные факелы в ночном небе, будут люди, которые смогут указать путь. Люди, которые откроют мне свои секреты, если я задам правильные вопросы и начну действительно слушать.

Так же как и любое другое паломничество, это путешествие начало учить меня о самом себе, возможно, более чем я когда-либо учил других.

Когда я начал ходить этим новым путем, произошло кое-что еще. Впервые, я захотел признать, что я не эксперт по делам религии, а всего лишь пилигрим. Не больше, не меньше. Я не знал всего и, наконец-то, не чувствовал, что должен.

Часть 8 Длинная тень Лавана

Одна из вещей, которую пилигримы любят делать в дороге – это рассказывать истории. Обычно они рассказывают о таких же людях, как они сами. Истории полные посвящения и веры, тяжелого труда и опасности, трудностей и благословений.

Возможно, вы знакомы с одной из самых моих любимых. В ней много персонажей, но самый запоминающийся, и я бы сказал, самый неприятный из всех, бедунин по имени Лаван.

Если это имя вам ничего не сказало то, я уверен, вы вспомните главного героя этой истории, бедного странствующего пилигрима Иакова. Он – центр, вокруг которого закручена вся эта пилигримская история. Но неведомый большинству, тесть-махинатор Иакова тоже имеет некоторые уроки для нас.

Пропуская двух жен и двух наложниц, стадо овец и кучу детей, сюжет развивается примерно так. Могущественный человек по имени Лаван видит в беспомощном молодом Иакове источник, который он может использовать для себя. Старший мужчина искусно манипулирует событиями так, чтобы выдавить все до последней капли из молодого. Личные амбиции ослепили Лавана, и он не мог видеть Божьего предназначения для своего зятя. Эта история идеально показывает, как сильный использует слабого, и пилигримы не должны забывать этот образ.

Несколько лет назад я встретил в Средней Азии другого Иакова, но я отказываюсь сказать, кто был его Лаваном. Этот Иаков тоже был молод, одарован и ярок. Ранее вдалеке от дома он закончил семинарию, изучал теологию, и вернулся домой готовый к служению.

Этот среднеазиатский Иаков нашел свою Рахиль (слава Богу, в этой истории не было Лии), которая в свою очередь была выдающимся евангелистом. Учитывая их духовность, когда они еще не были женаты, каждый ожидал чудес от этой молодой пары.

Прежде, чем свадебные колокольчики перестали звонить, разные миссионеры уже активно конкурировали друг с другом за право использовать объединенные дары этой пары. Будучи одарованным администратором, Иаков мог быть очень полезен в любом миссионерском офисе, а дар благовестника Рахиль мог быть благословением где угодно.

Одержавшим победу покупателем стал пилигрим, который насадил маленькую церковь, но теперь уже собирался двигаться дальше. На скорую руку было решено поставить Иакова пастором и платить ему небольшую зарплату. Это должен был быть завершающий момент миссионерских усилий по насаждению церкви – жезл от покидающего поле миссионера передается одарованному местному лидеру, который будет продолжать работу.

Когда бы динамичный иностранный миссионер не отвечал за церковь, там всегда уже готовые ресурсы иностранной личности в виде организационных расходов или открытые кошельки краткосрочных пилигримов. Но как только за дело берется местный человек, такой как Иаков, денег становится так же мало, как и тени в степи. К тому же, пилигрим, который уезжает, имел харизматическую индивидуальность, которая притягивала людей, как источник свежей воды. Иаков, тоже отзывчивый и дружелюбный, никогда не сможет соответствовать его размеру. Хуже всего то, что, по-видимому, никто не удосужился спросить Иакова и Рахиль об их видении служения. На самом ли деле они чувствуют, что призваны быть пасторами этой церкви?

Вся история усложняется. В то время, пока Иаков полностью занят строительством этой небольшой церкви, его дар администратора также очень востребован. И поскольку его сердце также велико, как и его дар, он очень часто видел, что выполняет поручения других.

Одному миссионеру он был нужен, чтобы сделать визы для своих друзей, другой мог попросить помощи в планировании какого-нибудь проекта. Каждый раз, когда требовалась помощь опытного и исполнительного администратора, звонил телефон Иакова. В один день он занимался делами паствы, которая было ему поручена, а на следующий он занимался организацией приезда краткосрочной команды. Несколько недель спустя, он мог готовить конференцию для кого-нибудь. Ни в одном из этих моментов нет ничего плохого, кроме того, что ни одно из этих начинаний не исходило из сердца Иакова.

Вскоре наш рассказ стал трагическим, с поражением и сильным горем. Так как жезл, который был передан Иакову и Рахили не был их видением, церковь скоро закрылась. Кажется, так происходит всегда, когда кто-то пытается превращать чужие мечты в реальность, особенно, если за счет самого себя.

Похоже, что мы, пилигримы, обычно не спрашиваем местных лидеров об их видении, потому что слишком заняты, обдумывая свое собственное. Мы нашли, что легче использовать их, как средство для достижения своих планов, чем помогать им развивать свои собственные.

Это очень опасная почва для пилигрима, так как, начав использовать усердных местных верующих, как дешевую раб. силу для постройки наших святынь и караван-сараяв, мы перестаем отличаться от ничтожного Лавана, которого мы встретили в начале нашего рассказа. Иногда я боюсь, что не осознанно мы привыкли использовать людей, как в наших религиозных структурах дома, где достижения важнее отношений. Божий народ может легко стать еще одним средством для достижения славы самому себе.

Для искреннего пилигрима должно быть очевидным, что, используя людей, не построишь общину, но так же, как и множество других вещей, которые должны быть очевидны, это может быть спрятано в наших планах и повестках. И хуже того то, что, когда мы ведем себя, как современные Лаваны, мы оставляем густые тени, которые постоянно будут преследовать будущее национальной церкви и ее руководства.

Вам, возможно, интересно, что же произошло с Иаковым и Рахилью. После того, как их церковь была закрыта, мельница слухов взбывала масло домыслов. Некоторые пилигримы искали тайные грехи, которые пара, должно быть, скрывала. Другие считали, что они были просто ленивы. Но хуже всего был безобразный ярлык, о котором шептались по всему городу, что они – неудачники. Некоторые пилигримы из числа тех, кто раньше ими восхищались, теперь зашли так далеко, что стали предупреждать других держаться от Иакова подальше, как будто он был заразен.

Возможно, Иаков и Рахиль провалились, но в чем? В превращении чужих мечтаний в действительность? Вместо этого, не должны ли мы были спросить: кто провалил их? Кто провалил их, поступая почти, как Лаван, используя их, а не ободряя следовать своему собственному призванию?

Слава Богу, на сухом воздухе Средней Азии большинство ран заживают быстрее. Иаков и Рахиль вскоре снова окрепли, чтобы делать то, о чем не многие пока только рассуждают. Они переехали в нетронутый район и начали все снова, посчитав, что лучше быть пионерами, чем еле тащиться по чьему-то чужому пути.

Пока еще рано говорить о результатах, так как эта смелая пара призвана обрабатывать одну из самых сложных почв. Но у меня есть ощущение, что их новое служение будет плодоносным, потому что они, в конце концов, последовали своему призыву. И чтобы это получилось, им следует держаться подальше от длинной тени Лавана, чтобы никто, кроме Бога не мог их использовать.

Часть 9 Похороны

Причина, по которой пилигримы нуждаются во впечатляющих горящих огнях в ночном небе в том, что в Средней Азии очень легко сбиться с пути. Легко - да, но кроме тех случаев, когда вы сами желаете потеряться. Когда надо сделать дюжину телефонных звонков, а океан "имэйлов" ждет ответов, возможно, самое лучшее, что вы можете сделать – это потеряться на денек-другой.

Нам всем нужны дни, когда мы можем просто прогуливаться, как будто ничто важное не требует нашего внимания. Или, по крайней мере, ничего более важного, чем хороший друг. В такие моменты Средняя Азия открывает свои спрятанные сокровища – сокровища, которые могут считаться еще одним огненным маяком.

В этот октябрьский, не имеющий никаких планов день, я умудрился случайно столкнуться с одним моим дорогим другом. Для этого потребовалась серьезная прогулка, потому что мы жили в двухстах милях друг от друга. Отметив современное состояние Шелкового Пути, это расстояние на столько велико, что мы можем видеться только тогда, когда кто-либо из нас может позволить себе отстраниться от своих ежедневных обязанностей действительно далеко.

Саид был пастырем одной маленькой группы верующих в городе настолько же близком к краю света, что многие врядли в нем побывают. Его усилия в этом городе заработали ему уважение всех, кто его знал – и друзей и критиков. В дополнение ко всему он работал полную ставку школьного учителя и нес обязанности мужа и отца. У Саида, несомненно, было достаточно дел, но в соответствии со своей культурой, он никогда не был настолько занят, чтобы не уделить время странствующему гостю.

Как всегда, он пригласил меня в дом, тепло обнял и немедленно поставил воду для чая. Несмотря на то, что мы только встретились, я почувствовал, что Саид был расстроен. Его голос был мягче, чем обычно, и иногда совсем утихал прежде, чем Саид заканчивал свою мысль. Его глаза были отвернуты к окну и смотрели куда-то вдаль, а не на меня. Это не было его обычное поведение. Это не обидело меня, но я знал, что что-то не так.

Где-то за пятой чашкой чая Саид сказал, что его отец уже несколько недель в больнице. Как раз за день до моего приезда доктора сказали семье, что у него прогрессирующая стадия рака. Помимо чуда, о котором они все молились, надежды на выздоровление почти не было.

Теперь я понял, почему мой друг был так необычно тих. Неминуемая скорая смерть могла сделать любого в семье таким, но для Саида это было чем-то большим. Последующую неделю я наблюдал, как развивались события, которые открыли мне новый культурный аспект. Это стало еще одним знаком с небес в моем путешествии.

Саид собирался перевезти отца домой, чтобы лучше позаботиться о нем. Он хотел читать отцу Библию без ежедневного противостояния со стороны мусульманского персонала больницы. Отец не был верующим, но, кажется, становился все ближе к вере в Ису, как в Спасителя.

На следующее утро после завтрака Саид пригласил меня пройтись. Как только мы вышли из дома, он положил свою руку в мою. Моя голова понимает, что в Средней Азии это знак крепких братских уз, но я все еще не преодолел своей внутренней реакции на то, чтобы держаться с другим мужчиной за руки. И снова я должен был сделать гигантский межкультурный скачок, и прогуливаться рука в руку с Саидом на виду у всех его соседей, постоянно напоминая себе, что я в его мире, а не своем.

Проходя по грязным улицам, Саид открыл глубокую личную просьбу, которая объясняла близость нашей прогулки. На тот случай, если отец не сможет выкарабкаться, смог бы ты позвать несколько братьев? Саид хотел, чтобы я обратился к братьям по всему региону, потому что он знал, что его семье потребуется вся помощь, которую они смогут получить. Смерть - это тот случай, когда ислам напрягает свою мышцу.

Когда в Средней Азии кто-нибудь умирает, исламская община берет на себя все заботы о похоронах. Практически, это значит, что старшие члены семьи и некоторые лидеры из мечети берут на себя всю организацию. Должны быть соблюдены традиционные похоронные обряды и специальные древние практики, и только специальным людям, хранителям традиций, доверяется их проведение. Но мой друг не этого хотел для своего отца.

Саид, конечно, надеялся на лучшее. Он надеялся, что Бог, по Своей милости, каким-то образом спасет отца от смерти. И Он спас, но не так, как Саид ожидал. Когда рак уже был на последней стадии, это был изнуренный, но теперь уже бывший мусульманин. В мире со своей семьей, и с Богом, отец Саида перешел в жизнь вечную.

Но смерть отца поставила Саида лицом к лицу с серьезной дилеммой. Как пастор в своем городе, вот уже пять лет все знали его, как последователя Исы, и поэтому хорошо известного предателя Ислама. Не было никакой надежды, что мечеть возьмется за эти похороны. Или, если все-таки они это будут делать, они возьмут очень высокую эмоциональную цену за свои услуги.

В Средней Азии смерть может быть рискованным делом для тех, кто обратился к Исе, как к Спасителю. Сразу возникает много колючих вопросов. Таких, как кто похоронит вас? И где они это сделают? В связи с этим есть вопросы, как вас похоронят надлежащим образом без людей из мечети? Кто те люди, которые постоянно хоронят людей? Эти вопросы очень весомы в культуре, которая чтит своих предков.

И сверху всего, похороны – немалое дело в этой части мира. Нужна целая команда, чтобы похоронить человека правильно. Несколько человек требуется для того, чтобы помыть и приготовить тело к последующим ритуалам. Также нужно несколько мужчин, чтобы выкопать могилу и еще несколько женщин, чтобы готовить еду. И все это должно быть сделано за следующий после смерти день.

Поэтому, похороны тех немногих верующих, которые умерли, были полностью под контролем их мусульманских семей. Семьи и мечеть полностью проводили похороны в строгом соблюдении исламских традиций. Мусульманской общине пришлось много потрудиться, под угрозами, пытаясь скрыть вечную реальность жизни этих верующих.

Многие годы этот вопрос висел, как огромный меч над очень молодой церковью. И вот теперь кто-то собирается переступить эту грань.

Странно, но я никогда не слышал, чтобы кто-то из миссионеров терял сон от вопроса похорон. На самом деле, я не знаю, чтобы мы, миссионеры, много об этом думали вообще. Я знаю, что я не думал. Может быть, поэтому пилигримам нужен кто-то, чтобы построить эти факелы, которые освещают небо нашего путешествия?

В то время как многие из нас, миссионеров, немного размышляли о похоронах, это делали некоторые из наших местных братьев и сестер. Однажды я стал спрашивать об этом всех вокруг, выяснилось, что они были готовы и точно знали, что надо делать. Когда только стало известно о смерти отца Саида, как сразу живое, дышащее, заботливое Тело пришло в движение. Более сорока верующих из четырех разных городов приехали, чтобы помочь.

Мужчины взяли с собой лопаты и рабочую одежду, и никто не говорил им, как надо копать правильную яму. Одна община из другого города послала денег, чтобы покрыть расходы на еду для двухсот гостей, которые будут за столами в течение трех дней. Одна группа женщин привезла с собой кучу дополнительных блюд, потому что ни одна семья не в состоянии иметь столько.

Все это было частью обычных обязанностей мечети, но этот раз все было сделано телом Христа. Оно действовало, как община. И, поверьте мне, мусульмане вокруг заметили это.

Это был первый случай, когда молодая национальная церковь смогла похоронить человека без вмешательства со стороны толпы из мечети, и верующие использовали этот момент, чтобы показать вечный свет. Саид напевал грустную песню над телом своего отца. Но на этот раз читали из книги Иова, а не из Корана. Мужчины протянули свои руки надо могилой и предали душу вечности, но на этот раз все было во имя Того, Кто сидит по правую руку трона Бога, а не Мухаммеда.

Прежде, чем похороны подошли к концу, четверо мусульман изъявили желание оставить Ислам и последовать за Исой, о котором они слышали. Вероятнее всего это произошло, потому что они услышали о Нем так, как никогда не слышали раньше. Никто ни проповедовал, ни давал брошюрок. Мусульманская община наблюдала, как другая община веры заботилась сама о себе. Это было огромным свидетельством для их культуры.

Община и национальная церковь

Помимо этого сильного свидетельства, Бог среди них делал что-то еще. Поздно вечером после похорон, более дюжины мужчин, все – последователи Исы, сидели вместе и обсуждали, как им дальше жить. Общество вокруг них было очень пропитано Исламом. Когда выходят из этого, им надо что-то новое, но похожее, чтобы быть частью этого. Им не нужны церковные собрания раз или два за неделю. Им нужна община.

Так часто мы просим людей оставить их устроенные общины без того, чтобы предложить им что-либо еще, в качестве укрытия. Для индивидуалистского западника это может быть и нормально, но для того, кто вышел из ислама это все равно, что попросить его встать на улице голым. Мы не можем отрывать людей от их общества и ожидать, что они выживут.

Некоторые из моих друзей пилигримов могут подумать, - «О какой общине мы здесь говорим? Ты же говорил, что это приведет нас к национальной церкви». Не волнуйтесь, это туда нас и ведет, но зависит и оттого, что вы конкретно подразумеваете под словом «церковь».

Большинство пилигримов, которых я знаю, включая себя, подсознательно определяют «церковь» как собрание. Собрания по воскресеньям. Собрания на неделе. Может быть, еще молитвенное собрание или два, если мы действительно духовные.

Но собрания не хоронят людей, это делает община.
Собрания не могут провести нормальную свадьбу, а община может.

На самом деле есть целый ряд важных вещей, которые собрания делать не могут, эти вещи могут быть сделаны только общиной. Идея общинности настолько важна в культуре Средней Азии, что у них есть даже специальное слово для этого - джамнат. Это слово даже невозможно хорошо перевести на английский язык.

Может быть, поэтому у нас нет и общин? Может быть, поэтому нам нужны эти огромные огненные маяки в ночном небе, чтобы указывать нам дорогу? И, по крайней мере, это хорошая причина, чтобы нам перестать так сильно верить в самих себя.

Пока детали тех похорон постепенно стирались из памяти, мое понимание заострялось. Собрания могут быть стильное место для остановки. Они могут быть удобным местом для уставших пилигримов, но только жизнь общины в полном обозрении их удивленных соседей мусульман, будет как огненные башни, видимые на сотни миль в пустынном небе. Они будут указывать путь к чему-то более ценному, чем места поклонения и караван-сарай, которые мы, пилигримы, имеем тенденцию строить. И они будут указывать путь к Тому, Кто сказал на похоронах Своего друга,

Иоанна 11:25 «Иисус сказал ей: Я емь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет».

Часть 10 Совет Хасана

Паломничества, как мы заметили раньше, дела древности. Совершались по множеству причин и во множество мест, ими пестрят страницы написанной истории.

Если мы будем искать их, они будут появляться, кажется, на пустом месте. Возьмите, на пример, этот фрагмент истории, записанный известным врачом Лукой.

Лука 2:41-43, 46,47 «Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, (От Луки 2:41-43), Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его».

Здесь мы читаем о простом и, кажется, необразованном пилигриме, всего лишь 12 лет, который удивил образованных профессионалов от религии тех дней. Вас это удивляет?

Время от времени, мудрые и ученые этого мира научаются у простых. Несмотря на все преимущества сильных, слабые иногда ставят их в тупик. Когда это происходит, то может выглядеть не приятно. Но, чтобы узнать детали, надо прочитать до конца повествование Луки. Что, конечно, не плохая идея. Пилигрим найдет эту древнюю историю поучительной, потому что история обычно повторяется. Это особенно верно, если кто-то думает поменять свой непривлекательный плащ пилигрима на прекрасные одежды учителя.

Дилемма - что есть соответствующее облачение для пилигрима, постоянно возникала в моей голове во время моего миссионерского паломничества в Средней Азии. Я не пытаюсь быть неортодоксальным, это, кажется, получается само по себе, особенно, когда я начинаю задавать вопрос «Кто должен носить учительскую одежду?»

По прошествии времени, я попросил моего друга Хассана прийти и выступить на собрании по планированию, которое наша миссионерская команда проводит в конце года. Пригласить местного верующего, чтобы обучать миссионеров - было почти настолько же еретично, насколько это вообще может быть, но я не пытался быть бунтарем. У меня были здравые причины желать того, чтобы наша команда познакомилась с ним. Как один из самых зрелых среднеазиатских лидеров церквей, которых я знал, Хасан имел богатство опыта служения. Он уже несколько лет был последователем Исы. Я был уверен, что для нашей команды будет хорошо посмотреть на вещи его глазами, хотя бы чуть-чуть. Я только не знал, что мы увидим.

В то утро Хасан начал со свидетельства, как он встретился с Исой, как со своим Спасителем. После, однако, показалось, что он стал продолжать как-то неуверенно и с неохотой. Это было не свойственно для Хассана, обычно он говорил уверенно. Во время короткого перерыва на чай Хасан напомнил мне, что он впервые встречается с этой группой людей. Или, как сам он сказал: «Я действительно не знаю, что это за люди».

Я мягко сказал ему, что его рассказ был хороший, и команде понравилось наше взаимодействие. Это ободрило его, и он продолжил, рассказав о жизни в типичной мусульманской деревне и о своем служении в данном контексте. Но вскоре смущение вернулось в его голос.

В трудный момент, я решил, что еще чая будет в самый раз. Пока члены моей команды были немного сбиты с толку, я попросил Хассана рассказать о том, что у него на сердце. «Не утайвай», убеждал я его. «Мы на самом деле хотим узнать, что ты думаешь». Или что-то такое я говорил ему.

«Я не знаю, что за миссионеры эти люди». Он говорил это о членах моей команды, и в его голосе звучал вопрос.

Жители Средней Азии часто не говорят то, что у них на уме, потому что их культура требует, чтобы они почитали гостей во всякое время. В прошлом я часто видел нужду в том, чтобы культивировать идею о том, что мы, как иностранцы, должны считать привилегией то, что нам говорят правду. Это показывает, что мы стали не просто гостями, которых надо почитать, но – друзьями, которым можно доверять.

Я так же знал, что среднеазиаты эксперты в том, чтобы читать по глазам. Если они получают послание что кому-то не интересно то, о чем они говорят, они замолчат. Если наши глаза говорят им, что мы не уважаем их мудрость, они не будут ее предлагать. Кажется, что они, по сути, последовали совету Иисуса, который Он дал Своим ученикам:

Матфея 7:6 «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас».

Хассан не знал, что я боролся с теми же страхами, что и он. Ни он, ни я не знали, как мои коллеги отреагируют, если он скажет что-либо, что не подойдет под образец их семинарского образования. Некоторые из них учились несколько лет и хорошо знали принципы межкультурного миссионерства. Будут ли они снисходительно улыбаться его наивным идеям? Будут ли они отвергать или даже атаковать этого простого деревенского мужчину, потому что он не понял «настоящий мир» миссионерства?

Мой разум перескочил в настоящий момент, к моему грустящему другу Хассану, который все ожидал ответа на свой вопрос. Поэтому без высказанных оговорок, я сказал, что мы все просто души, пилигримы в сердце. Мы будем слушать.

Солгал ли я? Захотим ли мы, мудрые и ученые, чтобы нас наставляли простые? Захотим ли мы, сильные, слушать слабых? Мои страхи становились все больше, потому что у меня не было ни какого понятия о том, что хотел сказать Хассан. И все же, как-то я знал – что бы это ни было, это будет важно.

В тот момент никто из нас не понимал, как близки мы были к важному откровению. Если бы мы держали наши глаза и сердца открытыми, мы бы вскоре увидели знак. Мы бы распознали еще одну из тех великих огненных башен, построенных для блуждающих пилигримов. По Своей чудной милости, Бог почти позволил кинуть еще один мимолетный взгляд на форму национальной церкви в Средней Азии. Если бы мы только хотели посмотреть.

Несмотря на мои заверения, Хассану потребовалось несколько минут, чтобы собраться. Но как только у него это получилось, его слова стали прямыми и честными. После того, что было заботливым среднеазиатским танцем слов, теперь он чувствовал, что может свободно говорить нам правду. Преобразившись таким образом, он стал человеком с миссией.

«Наши общины верующих так малы», – начал он. «Как мы можем выстоять перед лицом Ислама, когда мы разделены? Мы едва выживаем, даже когда собраны все вместе. Но мы никогда не одолеем Ислам, если будем разделены на эти церкви».

Продвигаясь далее к главной истине, он добавил, «эти “церкви” – ваши подразделения. Вы привезли их сюда и дали нам. Они не наши. Вы их начали, не мы. Они для вас – средство, чтобы разделять и контролировать нас».

Все вежливо слушали, но атмосфера накалялась. Хассан продолжал, «Никогда не было нужды строить отдельные церковные здания. Сатана использовал их, чтобы внести разделение среди братьев здесь. Ваши разные названия церквей принесли нам ваши разделения».

Боль в его голосе слышалась явно, и годами сдерживаемые слезы расставляли ударения в его речи. Хассан открыл истинное сердце пастыря. Он ожидал, что Тело Христа в Средней Азии вырастет и будет сильным. Он томился в надежде увидеть свой народ духовно процветающим в этом трудном месте, но полностью западное понимание церкви стояло на пути.

Импортированная боль

Несмотря на многочисленные отрывки Писаний, свидетельствующие об обратном, мы, миссионеры, сформировали то, что разделения в Теле стали приемлемыми. Мы создали структуры, вынуждающие каждую маленькую группу верующих проводить свои хорошо выстроенные еженедельные собрания. В конце концов, разве это самая точная формулировка церкви?

Для таких зрелых верующих как Хассан, церковь означает гораздо больше, чем собрание. Это – община. В единственном числе. Потом появился кто-то, говоря непостижимое. Он предполагал, что «церковь во множественном числе» не слишком хорошо переводится для Средней Азии. Хассан говорил, что невозможно, чтобы было много церквей, по той же причине, как и невозможно одному человеку иметь много тел. Даже казалось, что тот человек намекает на то, что практика ранних миссионеров разделять территории, а потом хвалиться нашими цифрами, была полностью неверной. Может быть, даже грехом?

Я, возможно, в некоторых случаях поступаю не так, как принято, но в этот раз даже для меня было трудно согласиться. Если сорок семь отдельных церквей в моем маленьком городке достаточно хороши для христиан американского Библейского Пояса, почему это не сработает для верующих в Средней Азии?

Без раздумываний мы просто дали им то, что привезли из наших домов. Наша любовь к количеству имеет значение. Наши ссоры. Наши разделения. Я сомневаюсь, что большинство из нас когда-либо интересовалось, есть ли еще какой-нибудь другой, более подходящий способ для поклонения и свидетельства в этой культуре.

На нашем примере мы непреднамеренно научились считать западные формы и выражения христианства самыми правильными, даже, когда они очень ясно противоречили Писаниям. Более того, через несколько коротких лет, на этих идеях выросла духовная гордыня. Это тот ужасный тип духовной гордыни, который я однажды услышал – кто-то хвалился: «Наш пастор более помазанный, чем твой». Это ужасное наследство оставило местное Тело Христа раздробленным и борющимся за свою жизнь. Это и было причиной той боли, которая звучала в голосе Хассана. За многие годы он устал видеть, как разделенное Тело падает, снова и снова.

Хассан также устал видеть, как те, кого он любил, искали свою силу и структуру в неправильном месте. Всем, кто хотел слышать, он любезно рассказывал, что пришло время перестать бездумно следовать за идеями иностранных миссионеров. Сейчас самое время искать ответы в обычной жизни Средней Азии. Возможно, это и есть определение слова «национальный»?

Нас бы это не сильно волновало, если бы мы все еще были бы простыми пилигримами. Но, где-то на пути все переменялось. Мы стали мудрецами и учеными. В глазах большинства местных верующих мы, миссионеры, - религиозные профессионалы. Никто никогда не говорил этого, но каким-то образом каждый знает, что, когда дело касается церкви, все ответы – у нас. Пилигриму может начать нравиться такое положение дел, и гораздо труднее потом меняться.

К сожалению, для нас, только некоторые люди, такие как мой друг Хассан, начали видеть наши мертвые зоны. Прекрасные одежды нашей религиозной гордости больше не обманывают их. Несколько среднеазиатских лидеров начали понимать, что мы, пилигримы, и у нас есть нужда в общине. Большинство из нас, миссионеров, выходцы из культур индивидуалов, и поэтому мы не можем даже различить этой проблемы, тем более не можем излечить ее.

Хассан не только инстинктивно осознал проблему, которую мы создали, но также он знал и лекарство.

Псалом 132 «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе! Это — как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду, бороду Ааронову, стекающий на края одежды его; как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские, ибо там заповедал Господь благословение и жизнь на веки».

Разбитое, разделенное Тело нуждалось в исцеляющем елее из этой песни пилигрима, сочиненной царем Давидом. Местное Тело Христа, эта община, как Хассан называл ее, нуждалась в том, чтобы Господь дал им Свое благословение. На самом деле, эти братья и сестры нуждались в благословениях, которые исходят больше от единства, чем они нуждались в том, чтобы угодить своим возлюбленным друзьям миссионерам. Почему же мы, “религиозные профессионалы”, кажется, не в состоянии этого понять?

Я думаю, поэтому Бог время от времени двигает столп. Он так позволяет простым наставлять мудрых и ученых. Он позволяет слабым ставить в тупик сильных. Более того, когда Он это делает, это – знак. Так же как и огромная огненная башня в ночном небе, он может вдохнуть новую жизнь в потерявшегося пилигрима. Это может дать надежду для всех, кто желает видеть, потому что говорит нам, что великий Господь, Который направляет наше путешествие, не покинул нас, чтобы мы блуждали во тьме сами по себе.

И самое хорошее в том, что, начав видеть эти знаки, вы будете видеть их повсюду.

Часть 11 Террористы за чашкой чая

Один из профессиональных рисков пилигримов в Средней Азии – терроризм. Он не новое явление в этой части света. С древних времен бандиты и другие персонажи вне закона странствовали, наводя ужас и тревогу, по тем же дорогам, что и пилигримы. Это не происходит часто, но всего лишь одна стычка с этими ужасными фанатиками может лишить вас жизни. Если вы ведете себя не осторожно, они даже могут покалечить ваше богословие.

Обычно порядочные люди в Средней Азии расслабляются так: они собираются и проводят вместе три-четыре часа подряд. Едят, пьют чай, смеются над ужасными шутками. Итак, это была компания друзей, которые начали собираться вместе каждый месяц или около того по такому освященному веками образцу. Любой может представить себе банду мусульманских террористов, собравшихся вместе таким же образом, чтобы секретно планировать свой следующий удар за чашкой чая. Но эти семь или восемь мужчин не были религиозными террористами, даже если вам так позже покажется.

Каждый из этих людей посещает одну из этих «западных» церквей большого города, которые у нас появились. Этот опыт сам по себе квалифицировал этих мужчин для последующей атаки гораздо лучше, чем это сделали бы в любом тренировочном лагере в Афганистане.

Однажды вечером, где-то между второй тарелкой риса и третьей кружкой чая, разговор перешел к более серьезным вопросам. Кто-то, совсем случайно, положил на стол...опасную религиозную бомбу. Тиканье таймера звучало, примерно, так:

«Мы все знаем, что не можем привести наших неверующих друзей и семьи в нашу церковь. Мы слишком «западные». Им хватит одного раза, чтобы убедиться, что мы оставили наш народ и стали христианами».

Пожалуйста, простите моим друзьям их нелюбовь к слову «христианин». Для них оно не вызывает тех теплых и пушистых чувств, как это происходит на Западе. В Средней Азии слово «христианин» переводится что-то вроде «поклонник странного русского бога». Помимо этого, есть еще другие дефиниции, которые мне неудобно упоминать.

Будучи бывшими мусульманами, мужчины за столом знали это по существу. На самом деле, они знали очень много о том, что значит следовать за Исой в Средней Азии. Возможно, поэтому у каждого быстро нашлось, что добавить о том, какое странное и не гостеприимное место эти церковные собрания.

Если бы в этой комнате оказалось несколько миссионеров, это сработало бы, как детонатор. Бум! Степени богословия и дипломы библейских школ разлетелись бы в щепки.

Потом кто-то осмелился идти дальше. «Если эти собрания не достигают наш собственный народ, почему тогда мы должны ходить?» - спросил он.

В военной терминологии это называется повторный взрыв. Возможно, это была заранее продуманная мера, чтобы очистить комнату от остаточного западного богословия.

Однако не надо забывать, что в этой комнате не было миссионеров со своими повестками дня и методами, которые надо было бы защищать. Это были просто бывшие мусульмане, которые теперь полюбили Ису. Люди, которые хотели лишь того, чтобы их родня

сделала так же. Для них было совершенно не важно, что мы выучились, готовясь к этому паломничеству. Теории из семинарий и библейских колледжей им не известны. Я даже сомневаюсь, что кто-то из них когда-либо задавал вопрос: «Что такое национальная церковь»? Я знаю, что они не читали свежих книг на эту тему.

Пора уже остановить обсуждение вопроса, насколько они квалифицированы этим заниматься. Во-первых, они сами бывшие мусульмане. Они лично понимают, что приходит на ум обычному жителю Средней Азии, когда он впервые сталкивается с организованным христианством. Во-вторых, они очень хорошо знают, как это - чувствовать каждый раз, когдаходишь в церковь, внутреннее осуждение, что ты предатель.

Возможно, более значительно то, что они даже не чувствуют нужды защищать это положение вещей. Они вежливо противостоят ему. Церковные традиции, импортированные их западными друзьями, были такими же, как и у пилигримов, которые привозили их – странные и чужие для этой земли. И местные люди хорошо это понимали.

В соответствии с их восточным наследием, они проявляли исключительное уважение к своим гостям. Соответствующее гостеприимство чрезвычайно важно в системе их ценностей. И, тем не менее, глубоко внутри они понимали, что время пришло. Даже в Средней Азии, рано или поздно, друзьям и их традициям пора отправляться домой.

Что эти люди потеряли в богословском образовании, они возместят в мудрости – той мудрости, которая приходит от обычной жизни, проведенной в Средней Азии. Они, возможно, не знают Библию так, как ее знают их образованные друзья-пилигримы, но они видят то, что не видно большинству из нас. Эти последователи Исы поняли, что что-то надо менять в том понимании «церкви», которое мы сейчас имеем. И они так же понимают, что лишь немногие миссионеры готовы услышать их экстремистские взгляды.

Я знаю этих ребят. Они все достойные и миролюбивые люди. Они никогда не причинят намеренного вреда пилигримам, которых они знают и любят. И не смотря на это, даже намек на такие радикальные идеи может быть расценен многими миссионерами как религиозный терроризм.

Только время покажет, будут ли этих людей считать опасными еретиками, или восхвалять, как героев веры. И снова хочу напомнить – есть множество вещей, которые открываются со временем. А некоторые останутся закрытыми до вечности.

Часть 12 Ветер, песок и время

Средняя Азия может быть очень опасным местом для строительства. Постройки долго не держатся. В прошлые века, как и сейчас, основным строительным материалом был глиняный кирпич. Не важно насколько велика постройка или насколько изыскано она украшена, смертельная комбинация ветра, песка и времени уничтожит эти материалы.

Я думаю, что так происходит с большинством вещей, которые строит человек.

Псалом 126:1 «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж».

И это очень печально, потому что огромный труд вкладывается в строительство. Также иногда в этом присутствует изрядная доля тщеславия. Не обязательно в каждом случае, но самомнение часто является архитектором. Конечно, только Бог знает, кто и что строит, и только Он будет судить работу каждого по тому, что она из себя представляет.

Есть и хорошая сторона в этой постройке из глиняного кирпича. Когда эти постройки рассыпаются, что-то остается после – грязь. И обычно единственное, что нужно для такой трансформации – это какой-то отрезок времени.

Тяжелый труд человека, его планы и его жертва быстро распадается до основных элементов, ожидая, пока видение другого человека не преобразует эту массу. Хорошо, что Средняя Азия, таким образом, устроена, так как здесь повсюду упавшие постройки, которые когда-то были так важны для прошлых строителей. Под их развалинами эти элементы – новый материал для тех, кто придет позже.

У меня есть среднеазиатский друг, который очень хорошо знаком с такими выветренными развалившимися постройками. Менее чем за десятилетие веры в Христа, Бакир и Гуля были лидерами двух церквей, которые ветер превратил в мусорные ящики истории. Обе церкви были насаждены через видение смелых людей. Смелых иностранных пилигримов, если быть точнее. Но каждая из них распалась из-за этих двух слов – иностранный и пилигрим.

Первая церковь истощилась по большей части из-за того, что была иностранной. Иностранные финансы, иностранный стиль поклонения. Она была иностранной в своей сути, без малейшего признака национальности. И даже без малейших попыток сделать ее национальной. Такого было видение тех пилигримов. Но все иностранные вещи, даже если они великие и замечательные, особенно уязвимы для ветра и времени. Жизненный стиль, поддерживаемый легкими иностранными финансами, может ослабить сердце местного пастора, а характер сделать черствым. Ежемесячная зарплата и впечатляющее здание не смогут преодолеть эти проблемы.

Вторая церковь умерла (это самое подходящее описание), потому что она была видением одного пилигрима. Несомненно, доброго и глубоко посвященного пилигрима, но, тем не менее, всего лишь одного пилигрима. И как это происходит со всеми пилигримами, наступил день, когда он должен был уехать. И когда он это сделал, эта маленькая церковь, любовно построенная вокруг его прекрасной личности, распалась на элементы.

Это может занять немного времени, а может затянуться на десятилетия. Всегда наступает такой день, когда пилигрим возвращается домой, даже если в гробу. И когда глубоко посвященный пилигрим покидает церковь, в которую было вложено много труда, она просто умирает естественной смертью.

Бакир и Гуля отдали этим церквям часть своего сердца, и поэтому горевали, что церкви развалились. Но хуже всего было то, как их иностранные лидеры вели себя в день, когда их труд подвергся испытанию. Даже самые лучшие из пилигримов могут стать грубыми и обвиняющими, глядя на их упорный труд и жертву, которые возвращаются в пыль, из которой были взяты.

Псалом 126:1 «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж».

Неужели тщеславие, которое было при постройке, увеличивается через высокомерие демонстрируемое, когда они стали распадаться?

В сныках и все израненные, Бакир и Гуля, почти подошли к тому, чтобы паковать свои мечты и возвращаться на мирские пути Средней Азии. Только по благодати Божьей, они остались твердо стоять. Маленькое пламя все еще горит в их сердцах, и это дало им смелость строить самим. Когда они так сделали, то обнаружили, что все их сны и желания, были спланированы на небесах для чего-то другого.

Они поняли, что иностранцам нужны большие здания для того, чтобы поддерживать свое видение. Бакир и Гуля решили, что для их видения достаточно и простых домов. Их иностранные друзья привлекли большие и хорошо продуманные проекты, но для них хватило бы и простых набросков.

С ясным пониманием призыва они начали исследовать то, что осталось. В обоих местах, где раньше было поклонение, теперь духовная пустыня снова взяла свое. Где раньше стояли великолепные, иностранно выглядящие здания, теперь лишь насыпи из обломков кирпича. Жизни, принявшие удар от разрушения иностранных строений, были рассеяны и лежали в руинах.

Казалось, что в руинах осталось не так много, но и с тем, что было, Бакир и Гуля начали восстанавливать строительство. Иностранцы возвели строение, используя логику понятную им самим, а местные верующие этого понять не могли. Для Бакира было естественно начать с простых историй и призывов в духе пророков, что для большинства иностранцев не удобно. Не переставая размышлять над этим, они вдвоем, своими руками строили другой проект.

Во время процесса Бакир сражался с чувством некомпетентности, как строитель, которое возникало по большей части из-за того, что он делал много ошибок. Однако причины это были вне сферы его контроля. Как он мог знать, что в то время как мы, пилигримы, получаем уважение, мы иногда не хотим отплатить тем же? Кто мог догадаться, что само собирание осколков будет воспринято как угроза существующему положению вещей?

В этот момент жизни Бакиру было необходимо чувствовать, что его уважают другие люди, если он собирался преодолеть страх и неуверенность. Особенно ему это было нужно от тех миссионеров, которыми он восхищался. К сожалению, это не всегда срабатывает в конкурентном бизнесе строительства своих собственных царств.

Несмотря на все эти обстоятельства, Бакир и Гуля стали медленно возрастать там, где другие потерпели полное фиаско. Они бы никогда не стали известны как строители больших зданий, но там, где время снова вернуло пустыню духовной тьмы, теперь появились маленькие ростки надежды. Где иностранцы понастроили свои огромные здания, они построили и продолжают строить духовные дома, дом за домом – маленькие общины веры на краю Средней Азии.

Возможно, комбинация ветра и времени когда-нибудь тоже разрушит их работу. Это – возможно. Но у меня есть чувство, что-то, что строят Бакир и Гуля выживет гораздо лучше, чем эти огромные строения пилигримов. Потому что их скромные постройки и планы, кажется, лучше подходят для сурового климата Средней Азии. По этой причине они могут сделать больше, чем просто выжить. Возможно, они даже будут процветать.

И снова, только время покажет.

Часть 13 Тополя

Псалом 1:3 «И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет».

Эти слова приводят на память классический вид в Средней Азии – ряд величавых тополей, вытянутых в одну линию вдоль пыльной загородной дороги. Те, кто путешествовал по этому региону, сразу узнает этот образ, потому что нет ничего более типичного для среднеазиатской сельской местности.

Почти в каждом большом городе, и маленьком городишке, и деревне бесчисленные улицы обрамлены длинными прямыми рядами тополей. Всегда аккуратно высаженные ровными рядами, их отличительная форма символизирует обычный порядок жизни в Средней Азии. Симметричные ряды напоминают о выстроенной на традициях культуре, которая посадила их, а соседство деревьев отображает чувство близости в общине, которым пропитана вся здешняя жизнь.

Не важно, где в Средней Азии будет проходить путь нашего паломничества, тополя там обязательно будут. Они растут в самых северных местах, где зимой температура опускается до -40. Они начинают бурно расти рядом с самым маленьким источником воды на южной окраине пустыни Такламакан, где дождь идет один раз в году. Можно посадить много саженцев, и они на самом деле почти все примутся. Им нужно минимум заботы, потому что они уроженцы Средней Азии. Их лист не вянет, потому что они коренные. Они процветают, потому что принадлежат этому месту.

В отличие от пилигримов, которые только путешествуют, тополя укоренены в свою собственную среду обитания. Песок, ветра и погода сформировали эти деревья такими, какие они есть. Эти образы Средней Азии отображают поколения взаимодействий между элементами вокруг их.

Будучи пилигримом, который прошел много миль по проселочным дорогам Средней Азии, я полюбил эти длинные прямые ряды. Одно из самых теплых воспоминаний, когда едешь между двумя рядами тополей в золотом мерцании заката в пустыне. Спустя многие годы, этот образ все еще наполняет меня восторгом.

Тополя молчаливо рассказывают мне кое-что. Глубоко внутри я нахожу покой в них, как кто-то находит утешение в лице старого друга. Их отличительный порядок помогает мне найти свою собственную линию поведения, так как они персонифицируют для меня Среднюю Азию. Они в большей степени, чем что-либо другое мне известное, являются здесь национальными.

Очевидно, что деревья и симметрия не те причины, по которым я начал это паломничество, и не они меня держат здесь. Но путешествие по дороге, вдоль которой высажены в ряд тополя, придает мне ощущение, что я должен прийти к чему-то, что моя жизнь движется в правильном направлении.

Идея «прийти к чему-то» очень ценится в культурах, откуда приехали многие пилигримы. Но для моих друзей Аким Джана и Рины не было ничего более далекого для их понимания, когда они только уверовали в своего Спасителя Ису.

Они были мусульманами – не очень хорошими, но, тем не менее, мусульманами. Их жизни были предсказуемы и выстроены в соответствии с принятым порядком, но вдруг их мир перевернулся вверх дном. Пока их страна была в экономической агонии, мои друзья нашли чистый источник на краю дороги жизни. Он был для них

Источником воды, текущим в жизнь вечную.

Иоанна 4:14 «а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную».

Аким Джан и Рина встретили Ису, Того, Кто сказал:

Иоанна 7:38 «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой».

Но все было странным и незнакомым. По их собственным словам, они ничего не знали. Ничего, кроме того, как любить людей. Ничего, кроме того, как рассказывать о своем Спасителе везде, где только была возможность. Ничего, кроме того, как молиться за больных, и, возможно, изгонять бесов, если требовалось.

Первый год своей новой жизни Аким Джан и Рина просто делали то, что у них получалось естественным образом. Они читали Библию и делали то, что Она говорила. Некоторое время спустя, источник, который они нашли, начал питать жизни вокруг них. Это было так же естественно, как рост тополей.

Однако они не достигли некоторых результатов, которых ожидали другие, и вскоре им стали говорить, что жизнь, бьющая ключом из их дома, вовсе не церковь. Никто не мог определенно сказать, что это было, но все твердо говорили им, что это – не настоящая церковь.

Итак, следующие несколько лет Аким Джан пытался делать все правильно. Иногда ему советовали проводить «ячеечные собрания» у себя дома. Иногда он и Рина пытались «насаждать церковь». И ни одна из этих теорий не соотносилась с новой мусульманской семинарией фундаменталистов в нескольких кварталах от них. И при таком положении дел, они продолжали упорно искать правильный путь для успеха служения.

Проходя через эти поиски, они поняли, что требуется добавить несколько новых важных видов деятельности к тому, что раньше получалось так естественно:

- 1 соответственная организация собраний, сделать их упорядоченными, заканчивать вовремя,
- 2 четко спланированное прославление в начале собраний; организация хорошего пения с талантливыми музыкантами,
- 3 подготовка соответствующих проповедей для этих собраний, в каждой по три пункта, интересные иллюстрации и ясное применение.

Аким Джан попробовал многое из того, что предлагали с добрыми намерениями разные пилигримы, которые путешествовали через этот регион. Большая Церковь. Ячеечная Церковь. Возможно, он даже пробовал воплотить еще несколько видов церквей, но ни одна не прижилась.

Чем больше они следовали моделям, импортированным с Запада, тем с большим количеством проблем они сталкивались. Мечеть попыталась поднять толпу, КГБ хотели посадить Акима Джана в тюрьму. Некоторые из новообращенных привыкли к западному образцу и начали искать возможность устроиться в какую-нибудь миссию. События не пошли так, как каждый обещал. И до сих пор не идут.

Не поймите меня неправильно. Аким Джан и Рина до сих пор свидетели исцелений и других чудесных знамений. Они по-прежнему видят, как мусульмане приходят и следуют за Исой. Их духовное влияние на город растет каждый год. Они, по-прежнему, продолжают пасти новообращенных, проходя через многие жизненные трудности и невзгоды. Но они никогда не начинали церковь. По крайней мере, такой, какой, по мнению других, она должна быть.

Теперь, после пяти или шести лет попыток сделать других миссионеров счастливыми, они поняли, что значит хорошая вещь. Аким Джан сказал мне так: «Я не хочу построить большую церковь. Я не хочу построить целую кучу маленьких церквей. Я вообще не хочу строить церковь. Я хочу вырастить общину людей, которые будут поклоняться Исе».

Он объяснил мне, что есть более важные вещи в нашей вере, чем собрания и количество. Вещи, такие как – действительная жизнь общины, исходящая из Слова Своего Господина - любовь к ближнему, прощение врагов, свидетельство местным властям.

Как-то мимоходом Аким Джан нашел ответ, подлинный среднеазиатский ответ. А, возможно, он просто нашел то, что было потеряно. Аким Джан и Рина осознали, что-то, что они ищут, не будет найдено в слаженно звучащих теориях иностранных пасторов или

в их системах церкви. То, что они ищут, может быть найдено только вблизи от родного дома. Гораздо ближе. После долгих лет попыток насадить много разных вещей, они остановили свой выбор на тополях.

Аким Джан понял, что церковь, если она собирается быть национальной, должна отобразить годы взаимодействия элементов вокруг нее. Если она собирается выжить в крайностях духовной погоды, она должна быть укоренена в своей собственной уникальной среде обитания.

Звучит, как трудная задача, но что будет, если это произойдет? Что, если Аким Джан и подобные ему, просто взрастят общины людей, поклоняющихся Исе? И что произойдет, если эти общины будут символизировать все то хорошее, что есть в укладе жизни Средней Азии?

Они будут разрастаться далеко на север, где зимой температура падает до -40 градусов. И цвести они будут даже рядом с самыми маленькими источниками воды на южной стороне пустыни Такламакан, где идут дожди один раз в год. Мы увидим, как появится большое количество таких общин, и большинство их них на самом деле выживет. Им будет необходима минимальная забота, потому что они в родной среде. Они будут приносить свой плод в свое время, и их лист не будет вянуть, потому что они будут национальными. Такая община людей, следующий за Исой, будет процветать в Средней Азии, потому что вырастет, как тополь в своей родной земле.

Для человека, который прошел много миль по проселочным дорогам Средней Азии, это воспоминание будет, несомненно, самым теплым за все мое миссионерское паломничество.

Часть 14 Всему свое время

Царь Соломон, который предположительно тоже совершал паломничество в Среднюю Азию, однажды написал: *Екклесиаст 3:1 «Всему свое время, и время всякой вещи под небом».*

Наш царственный друг - пилигрим был прав. Все, хорошее или плохое, однажды закончится. Я догадываюсь, что по тому, как он использует слово «всему», мы можем заключить, что паломничества сюда тоже включены.

Даже в таких трудных местах, как Средняя Азия, мы, в конце концов, приходим к цели нашего путешествия, когда видим эту волнующую, так называемую, национальную церковь. Простая мысль об этом дне дает нам радость в пути через эти засушливые земли. Образ этой церкви, мелькающий за горизонтом, притягивает нас в то время, когда утомленный дух уже собирался все бросить.

И все же, когда такой момент наступает, мы сталкиваемся с некоторыми волнительными вопросами: что должен пилигрим делать, когда его паломничество приходит к концу? Нормально, если пилигрим останется еще на какое-то время? Если пилигрим остается на самом деле, что тогда конкретно он должен делать в соответствии со своей новой ролью?

В это трудное время передачи, важно, чтобы мы помнили о знаках, которые мы уже видели. Бог щедро открывал их нам. Каждый из них, отличный сам по себе, имел одну общую характеристику: они все были найдены, когда я проводил время со своими среднеазиатскими друзьями.

Огненные башни, которые освещали наш путь в пустыне, не появились из лекций в классе. Эти прозрения не продукт нашего ума. Они появились только тогда, когда мы потратили время для того, чтобы послушать – послушать мудрость, которая пришла из жизни прожитой в Средней Азии. Поэтому в момент такой передачи то, что мы должны правильно себя повести – это только пригонка, в то время пока мы делаем то, что и так часто делали – пьем чай с другом.

Я поехал повидаться с Талгатом, в основном потому что – это то, что делают друзья Средней Азии – проводят время вместе. Он не проект служения, а друг, в компании которого мне нравится быть. Но также я хотел увидеть его, потому что знал, что у Талгата сейчас проблемы в его служении, и я подумал, что он захочет с кем-нибудь об этом поговорить. И я немного знал что-то, что он хотел сказать, было именно то, что я хотел услышать.

Мой друг Талгат – типичный житель Средней Азии. Абсолютно верен своей семье, обычно приятный и немногословный. В остальном, однако, его можно считать очень экстраординарным. Для начала, он следует за Исой уже более семи лет. Только некоторые из его народа могут подходить под это описание. Дальше, большую часть этого времени он является истинным христианским лидером. Он не имеет титула «пастор» или «преподобный», но он представляет такой тип людей, о котором Павел писал в своем первом письме молодому Тимофею:

1-Тимофею 3:2-4 «Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннлюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью».

В мире Талгата эти качества говорят громче всяких степеней, которые другие люди так стремятся получить. Может, все именно так и должно быть.

Как и каждый значимый разговор, который я вел в Средней Азии, этот начался и закончился за чашкой чая, а еда шла где-то в середине. Ничего не делается и не говорится в спешке. Все, кто собираются совершить паломничество в эту землю верблюдов бактерианцев и восточных ковров должны помнить, что отвратительная американская привычка сразу переходить к делам считается очень грубой в этой части мира.

Талгат и я сели в гостиной, мы ели и разговаривали одни. Большую часть времени его жена Дилбахар находилась на кухне. В ключевые моменты (а не из-за отсутствия замечаний по теме) она быстро присоединялась к нам и говорила свое мнение. Но смешенная компания за едой не подходила моему другу, поэтому одного строго взгляда обычно было достаточно, чтобы жена вернулась на кухню.

Прошу вас, не судите его слишком строго за это. Помните, мы иностранцы в его доме. И еще, это – хорошее напоминание, что Средняя Азия абсолютно отличается от Запада.

После еды я попытался вытянуть Талгата на разговор, но я должен был быть очень аккуратным, чтобы побороть свою природную склонность к прямоте. Если я хотел узнать, что думает этот человек, я должен был быть сдержанным и непрямым – искусство, которому мне еще учиться и учиться.

Я решил начать с общих вопросов о служении. Мне было определенно интересно, кого в Средней Азии можно заслуженно называть «столпом церкви». Но более того, я надеялся, что мои вопросы заставят его говорить о более волнующих вещах.

Талгат дал мне неопределенный ответ, что они «уже имеют хороший прогресс» за последние пять-шесть лет. Есть еще «много работы», но основной труд уже выполнен. Затем, неожиданно, он задал мне странный, наводящий вопрос: «Как ты понимаешь свою работу здесь? Как бы ты определил свою роль как миссионера?»

Помните, что этот вопрос задал мне человек, который был последователем Исы дольше, чем я жил в Средней Азии. Возможно, он знал так же много миссионеров, как и я. Что-то важное скрывалось под поверхностью его вопроса.

Талгат, должно быть, заметил удивленный вид на моем лице, и поэтому уточнил, что он «никогда по-настоящему не понимал людей с Запада», и хотел бы получить более ясную картину того, как мы думаем.

Так как я пытался тренироваться в искусстве быть непрямым, я решил не давать ему прямого ответа. Я просто попросил его прочесть несколько слов из одного моего любимого миссионера-мыслителя:

«Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит».

После того, как Талгат прочитал это отрывок, он задумался на несколько минут. Потом ответил: «Кажется, я получил здесь откровение».

Глядя назад на этот момент, я думаю, что у него уже было много мыслей о том, что он собирался говорить. Он размышлял, если не специально над этим стихом, то определенно на эту тему в целом. И, тем не менее, то, что последовало далее, стало несомненным откровением для одного человека в комнате.

«Павел был апостол», - сказал Талгат медленно, «значит, что он был «посланным». Он везде ходил и насаждал церкви. Поэтому то, что он здесь описывает – это способ, как апостолы или «посланные» должны насаждать церкви. Я раньше не видел этого, но здесь есть смысл, потому что Павел объяснял то, что приемлемо для нашей культуры».

Я должен был думать быстро. Во времена моей воскресной школы я смотрел на последние страницы моей Библии много раз, и никогда не видел, чтобы карта «Путешествия Святого Павла» включала в себя Среднюю Азию. Поэтому как могло так произойти, чтобы Павел пересекался со среднеазиатской культурой? Талгат определенно привлек мое внимание.

«В традиционной культуре», - продолжал он, «когда кто-то хочет построить дом, он приглашает всех своих друзей и родню на помощь. В назначенный день все приходят, чтобы работать – и работать упорно. Они все знают, что при достаточном количестве мужчин и упорном труде, основание дома может быть положено за один день. В этом-то вся суть. Они не волнуются за другие вещи, фундамент – вот что они приехали строить. Пока мужчины работают, женщины готовят огромный, традиционный стол. И хотя надо сделать очень много, это событие гораздо больше, чем просто работа. Это – праздник. Скоро будет новый дом».

Пока Талгат говорил, я представлял себе приготовления, которые я видел много раз на других событиях таких, как свадьбы или похороны. Мужчины обычно делают все, что надо на улице, а женщины моют и готовят рис, чистят морковь и приготавливают мясо. Каждый раз все повторяется.

Он продолжал обрисовывать картинку для меня. «К вечеру фундамент закончен. Некоторые мужчины идут мыться, а другие начинают быстро составлять столы для праздника. Скоро здесь будет много еды, смеха и чая». Пока он это рассказывал, я видел внутренним взором этих мужчин, в поту и крайне уставших, но сияющих счастьем от чувства, что весь дневной труд завершен.

«Позже вечером, когда еда, музыка и танцы закончены», - продолжал Талгат, «владелец дома встает и щедро благодарит всех, кто откликнулся на его призыв о помощи. Он свободно признает, что не смог бы без них управиться сам, и заканчивает, говоря, что теперь у них навсегда в долгу. Они были там в тот самый день, когда был положен фундамент».

А дальше последовала неожиданная развязка, Талгат закончил свою историю: «А потом все разъезжаются по домам».

Я сидел там очень удивленный, казалось, что рассказ очень резко оборвался. Должно быть продолжение, но когда я сказал об этом Талгату, он ответил мне, примерно, так: «все эти люди приехали ради одной цели – положить фундамент. Они сделали то, что невозможно было сделать без их помощи. Когда это дело было сделано, владелец дома дальше уже сам будет завершать свой дом». Чем больше я хотел чего-то еще, тем логичнее мне это казалось.

Но это еще был не конец. Мой друг продолжал пояснять свои мысли. «Так же как и Павел, вы, иностранные миссионеры, помощники в нашей традиции. Бог призвал вас с разных мест мира, чтобы вы приехали в Среднюю Азию и помогли нам положить основание. Мы бы никогда не смогли это сделать без вас. Но сейчас эта часть почти подошла к концу. Уже почти наступило время для нас приготовить большой праздник и сказать вам, как сильно мы ценим ваш упорный труд и жертву за наш народ».

Мои мысли снова вернулись к словам Апостола Павла. Я пытался применить их к истории Талгата и к практике миссионеров, которую я наблюдал в Средней Азии. Потом до меня дошло, почему Павел, основатель церквей, не оставался, чтобы закончить дом до конца. Почему?

Потому что это должен делать сам владелец дома.

Кто лучше решит, сколько нужно окон или сколько нужно делать спален? Разве не тот, кто будет жить в этом доме? Павел говорит нам, что есть только одно основание, которое может быть положено – Иисус Христос. Но сколько этажей будет построено на этом одном основании?

Голос Талгата вернул меня к настоящему моменту: «А потом вы все уедете».

Его прямота застала меня врасплох, и я на мгновение замолчал.

«Это все так работает?» – продолжал он. «И все миссионеры скоро уедут, и мы сможем построить церковь, какую хотим?»

Что я мог сказать? Как я мог донести до него, что хорошо и правильно некоторым пилигримам оставаться и после того, как основание положено? Думал ли он когда-либо, что наше сотрудничество может быть полезным еще долгое время? Каким образом я могу описать идеальный сценарий, в котором мы, иностранцы, возвращаемся назад, а «владельцы дома» берут руководство?

На самом деле, как я могу осветить моему другу столь идеалистическую теорию насаждения церковью, когда его собственный опыт разукрасил эту картинку совсем по-другому? Миссионеры, которые постепенно разъезжаются по домам – это то, что он редко видел. Большинство миссионеров могут обстоятельно рассказать о таких идеях всего лишь как о теориях. И все же есть некоторые миссионеры, которые готовы на практике действовать как Апостол Павел, на самом деле доверяя руководство новой церковью местным верующим.

Однако мне не надо было всего этого рассказывать моему другу. Он уже знал. Все эти годы. На самом деле, когда я размышлял над этим вопросом, я осознал, что, наблюдение за тем, как иностранцы господствуют над местной церковью, возможно, было горьким корнем, подпитывающим большинство колючих проблем в служении Талгата многие годы. Неужели эта история была просто вежливым среднеазиатским способом сказать мне это?

По странной причине, мы, иностранные миссионеры, кажется, забываем, что мы пилигримы, пришли на время. Земля, на которой мы на время останавливаемся, не важно, на сколько мы ее полюбили, – не наш дом. Судьбой предназначено, чтобы в этом доме жили наши новые братья и сестры. Они и их дети после них будут иметь дело с тем, что мы делаем сейчас, и с хорошим и с плохим. А из-за наших удобных провалов памяти, мы как-то уверовали, что правильно остаться и управлять бессрочно.

Нам, возможно, будут рады в качестве помощников, но не как хозяевам. И это как раз тот вопрос, где возникают проблемы. Многие миссионеры переживают самые трудные времена, когда надо уйти из центра внимания и со сцены вообще. Получается так, как будто мы на самом деле не доверяем, что Бог будет двигаться через наших местных братьев и сестер с такой же силой, с какой Он работал через нас. Неужели иногда мы верим в себя сильнее, чем в Дух Божий?

Талгат был прав. Когда основание положено, этот дом, национальная церковь в Средней Азии, должен завершиться теми, кто в нем собирается жить. Независимо от того, какую роль мы, иностранцы, можем занять по праву, это будет фундаментально отличаться от местного руководства.

Они должны быть теми, кто будет под руководством Святого Духа, ставить окна и решать, в какой цвет красить стены. В действительности, это единственный путь для церкви быть по-настоящему национальной.

Я покинул дом Талгата, размышляя над некоторыми неудобными вопросами. Его слова были напоминанием, что это паломничество, для меня, по крайней мере, не касается тех почетных и прогрессивных вещей, которые мы, миссионеры, часто делаем. Скорее, это был поиск одной вещи, этого чудесного Святого Грааля, который мы называем национальной церковью.

Неужели мои поиски закончены?

Эпилог Сокровище в моей сумке

Лука 10:3 «И спрашивал его народ: что же нам делать?»

У каждого пилигрима есть сумка. Да, я знаю слова Того, Кто посылал наших ранних братьев пилигримов:

От Луки 10:3,4 «Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков. Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте».

Иоанна 20:21 «Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас».

Я думаю, что это еще одно признание моей несостоятельности, когда я говорю, что не жил по этой заповеди. Я носил суму. А иногда и целый мешок денег. Так же как и некоторые другие вещи, о которых Иисус не предупреждал Своих учеников.

Может быть, поэтому мое путешествие было таким трудным временами. Было ли у меня слишком много груза? Остается только предполагать, так как, кажется, что теперь моя маленькая сумка стала пустой.

Я начал с таким большим количеством вещей: мои американские предрассудки, абсолютно западное богословие, личные глубоко запрятанные страхи и некоторая мания величия. В начале этого путешествия моя сумка была такой набитой, что можно было ее назвать багажом.

Но я могу говорить только за себя; каждый пилигрим должен решать сам, что он будет, а что не будет нести. Мой совет – быть осторожным, потому что та маленькая сумочка, с которой многие из нас начинают свой путь, может стать болезненно тяжелой в будущем.

Несмотря на самоуверенное начало, крутые горные дороги и горячие пески пустыни, с которыми я столкнулся в своем паломничестве, сделали свое дело. Со временем они сделали мою сумку почти неподъемной, вынуждая меня избавляться от ее содержимого, постепенно опустошая ее в разных местах на пути.

Избавившись от всех этих когда-то ценных вещей, я нашел место для новых, гораздо более ценных. Даже не мечтая, я нашел несколько новых по дороге. Каждый раз, когда я терял какую-нибудь замечательную идею или безделушку из дома, я приобретал что-то бесценное. Нет, я говорю не об этих изящных восточных коврах на моем полу.

Я говорю о том, что, надеюсь, было мудростью, которой я пытался делиться со страниц этой книги. Потому что так получалось, что каждый раз, когда я хотел от чего-нибудь добровольно отказаться, я получал что-то взамен. Что-то, что заставляло меня размышлять в ночные часы, когда я не мог спать. Что-то, что сотворило бесконечную перемену в моих взглядах на жизнь и служение.

Моя сумка медленно снова наполнилась личными картами, отметками и несколькими историями, которые один пилигрим может передать другому. Каким-то образом эти обрывки и кусочки выросли и, в конце концов, заполнили эти страницы.

Кажется, теперь я подошел к концу своих заметок, наблюдений и критических замечаний. Думаю, это значит, я все. Уверен, что я мог бы научиться большему, от тех, кто желал бы научить меня. И это то, что мудрый пилигрим будет всегда помнить – всегда есть люди, желающие научить нас, если мы достаточно смиренны, чтобы слушать.

Однако, так как слушание – это навык, которые я приобрел поздно, я сомневаюсь, что вам потребуется много время, чтобы прочитать слова мудрости, вышедшие из-под моего пера. Это может даже разочаровать, когда человек понимает, что все, что он хотел сказать, уместилось всего на нескольких страницах. Но даже, если так, я надеюсь, что вам понравилось это путешествие.

Так как мы готовы разойтись, я понимаю, что может быть несколько причин, что кто-то неудовлетворен этим моим приношением. На пример, возможно, что некоторых из моих друзей пилигримов взволновали мои истории. Я надеюсь на это. Они волнуют меня, но только когда я останавливаюсь на время, достаточное чтобы поразмышлять - хорошая привычка для пилигрима.

Некоторые могут подумать, что я был слишком строг с миссионерами в моих историях. Может и так, но что гораздо вероятнее, я был недостаточно строг. Помните, я один из них. Поэтому, скорее я судил менее строго, чем Тот, Кто будет это делать в день, когда наши мотивы будут видимы для всех.

Или может быть так, что эта небольшая работа не подтвердила обещаний, данных ее названием. И, скорее всего, она не дала ответов на все поднятые мною вопросы. Возможно, что я не ответил ни на один из них.

На самом деле, я почти слышу протест некоторых пилигримов: «Ты ни разу ни дал настоящего ответа. Ты ни разу ни объяснил, как же должна выглядеть национальная церковь».

Если быть честным, я не помню, чтобы это обещал. И к настоящему моменту уже должно быть понятно, что я не тот человек, которого надо спрашивать. Тем не менее, если в такой высокомерный момент я сказал что-то в таком роде в первых нескольких частях, прошу простить меня. Я не мог выполнить этого обещания, даже если бы старался. Я могу только молить о милости.

С другой стороны, если есть только один настоящий вопрос – «Какой должна быть национальная церковь?» - мне не нужно было писать книгу по этому предмету. Он и так уже описан достаточно хорошо. В первом веке у одного пожилого человека было видение или что-то такое, когда он был сослан на один остров у побережья Турции:

И я увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их.

Если это не ответ, который вы искали, если вы хотели чего-то более реалистичного и конкретного, могу я предложить вам кое-что? Во-первых, уберите ваши книги, степени и прекрасные учительские мантии в гардероб – они могут понадобиться вам когда-нибудь, но не в этом путешествии. Затем, оденьтесь в простую одежду пилигрима; она сохранит вашу лучшую надежду, что когда-нибудь вы прибудете в желанный пункт назначения. И если вам нужно нести сумку, пусть она всегда будет легкой. Так легче собрать только настоящие сокровища. Экипированный таким образом, вы скоро сможете присоединиться к еще одному отправляющемуся каравану. Пусть Бог благословит, чтобы ваше паломничество дало более ясные ответы, чем дало мое.

Но прежде, чем мы попрощаемся, я хочу поделиться с вами, мой дорогой друг пилигрим, последним сокровищем, которое все еще лежит в моей сумке. Оно больше не принадлежит мне, как и кому-либо еще, поэтому я просто его передам. Я покидаю вас со словами Господина:

Мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас.